

## Суть движения

Медленно ползет улитка до самой вершины горы.

/ Японская пословица /

Я всегда просыпаюсь раньше звонка будильника, причем не по своей инициативе: мой разлюбезный четвероногий друг по кличке Булька ежедневно тянет с меня одеяло, чтобы я вставал и шел с ним гулять. Булька живет у меня четыре года, он дворянин, в том самом понимании – дворняга он, большой, лохматый, черного окраса. Глядя на моего здоровенного песика, невольно вспоминается гениальное творение Михаила Булгакова «Собачье сердце»: «очень возможно, что его бабушка согрешила с водолазом». До водолаза Бульке еще нужно подрасти, но скажем честно - новорожденного теленка он перерос. Раз он у меня пес-великан, солидный и имеющий собственное достоинство, я называю его Буль. Это сначала, когда я нашел на улице крохотного неуклюжего щенка, пожалел и принес домой, я дал ему кличку Булька, потому что он хрипел, пищал и булькал – такие издавал звуки. Сейчас называть здорового пса Булькой смешно. Буль – большой, умный, всё понимающий. Почти как человек, только немой.

Буль страсть как любит бегать по скверу, расположенному неподалеку от моего дома. Если мы выходим гулять позже установленного Булем времени, то я держу его на поводке: в сквере по дорожкам лихо бегают спортсмены, среди деревьев кучкуются собаководы со своими четвероногими питомцами. Буль никогда никого не обидит, он любит бегать наперегонки с спортсменами и играть со своими сородичами, но не все собаки соглашаются с ним играть, они начинают верещать не своим собачьим голосом, а их хозяева слишком громко высказывают мне свое недовольство. В этом случае Буль принимается рычать и пугать всех подряд. В итоге нам приходится покидать наше излюбленное место, не нагулявшись вволю...

Я надел спортивный костюм, обул кроссовки, и мы с Булем отправились в сквер. Настроение у меня было неважным, что-то угнетало, а вот что, я никак не мог понять. Не хотел копаться в себе и выяснять. Пытался насвистывать бравурный марш, чтобы поднять себе настроение.

Когда мы стояли на кромке тротуара и ждали, когда загорится разрешающий сигнал светофора, мимо нас промчался автомобиль, из недр которого лилась известная песня со словами: вот и лето прошло, словно и не бывало...

Точно! Сегодня последний день лета, потому и настроение пасмурное, несмотря на погожий солнечный день. Не знаю, почему, но у меня срабатывает «школьный рефлекс»: будто завтра мне снова идти на первосентябрьскую линейку. Сама по себе школьная линейка не таит в себе ни опасностей, ни подводных камней, ни каких-то неприятностей, в принципе, один приятные моменты - главное, это встреча с друзьями, которых не видел целых три месяца, это важные разговоры, воспоминания, смех, подтрунивания, заигрывания с девчонками, вдруг повзрослевшими и похорошевшими. Увы, потом начинается длительный учебный процесс. Ох, как же сложно быстро втянутся в учебу! У меня это втягивание затягивалось на долгое время, только к концу сентября приходило осознание: лето прошло, включайся и исправляй полученные за месяц тройки, не то учителя прольют родителям свет на твою успеваемость, а родители приступят к воспитательному процессу. Не терплю нравоучений, ни тогда, ни, тем более, сейчас...

Получается, у меня срабатывает рефлекс.

Да, вот и лето прошло, словно и не бывало.

Грусть-тоска просто так не уйдет, бороться с ней можно одним способом, проверенным – надо увидеться с соседкой. Соседку зовут Римма. Римма Аркадьевна Казуютова. Она необыкновенно хороша собой, но надменна и величественна, как круизный лайнер. Я для нее – крохотный парусник, который не имеет права крутиться под ногами, а как существо говорящее, не имею права открывать рот в ее присутствии.

Когда несколько лет назад я въехал в свою квартиру в новостройке, соседняя квартира долго пустовала. Потом появились строители и взялись за ремонт. После завершения ремонтных работ, появилась хозяйка, Римма Казуютова. Я увидел ее и... можно было сказать: потерял дар речи, влюбился с первого взгляда, оступел, застыл, - мое тогдашнее состояние не поддавалось никаким характеристикам. Вдруг, совершенно неожиданно для себя, я стал другим человеком. Так будет правильнее. В чем заключается кардинальная перемена? Другие женщины перестали для меня существовать.

Только она одна, женщина моей мечты.

Естественно, я тут же решил с ней познакомиться.

Мы стояли каждый у своей двери, возились с замками – она возилась, я изображал действие. Потом и вовсе повел себя глупо.

- Я ваш сосед, - сообщил я деловито. Можно подумать, она не сообразила, что я ее сосед, раз выхожу из соседней квартиры. Недолго думая, назвал себя, – Глеб Евгеньевич Афанасьев. – И затаился в ожидании: сейчас она назовет свое имя. Она отмолчалась. С замком она успешно справилась, одарила меня мимолетным равнодушным взглядом и пошла своей дорогой. Мол, ты тварь дрожащая и права не имеешь... узнать большую тайну моего имени.

Я разозлился и мысленно обозвал ее стервой. Быстро передумал и переназвал стервочкой. Раз женщина не назвала свое имя, я буду называть ее Стервочкой. Естественно, про себя. Заодно и отомщу за холодность и надменность.

Вместе с интересом к этой особе, к Стервочке, возник спортивный интерес, свойственный профессиональным ловеласам, коим был и я до встречи с соседкой: обаять и заставить в себя влюбиться. Не хочу скрывать всей правды: ранее со мной ничего подобного не происходило, пару раз девушки не сразу клевали на мое обаяние, но постепенно сдавались и вскоре «заглядывали мне в рот», были готовы идти за мной на край света. Со Стервочкой все выйдет гораздо сложнее, об этом я догадался без сложных умозаключений. Имел место еще один факт, для меня неожиданный и, скажем честно, неприятный и ранее неведанный: в том случае, если после долгой осады неприступная крепость - женщина без имени - все же падет, я не потеряю к ней интереса, начну «заглядывать в рот» и пойду за ней на край света. Это любовь? Без всякого сомнения. И пока она имеет горький привкус полнейшего безразличия с противоположной стороны.

Гораздо позже я узнал от одной вездесущей соседки с первого этажа, которая с первого дня стала всеобщим информатором и справочным бюро в одном лице, что зовут Стервочку Риммой Аркадьевной Казуютовой. Все очень просто: к информатору якобы случайно попала ее квитанция об уплате услуг ЖКХ, таким нехитрым способом она узнала нужные мне сведения.

С Риммой мы встречались часто, я здоровался, она молча проходила мимо. Я продолжал здороваться, она постепенно обвыклась и начала меня

награждать легким наклоном своей прекрасной головы. Высокая стройная шатенка с глазами цвета влажной древесной коры уходила прочь, а я смотрел ей вслед и тихо радовался: я ее вижу! Я могу дышать с ней одним воздухом!

Глупость полнейшая... Но влюбленные люди глупеют на глазах, я часто об этом слышал. На себе испытал впервые.

Прожив сорок лет, повторяю, я ни разу серьезно не влюблялся. Увлечения были, как без них, но увлечения как приходили, так и уходили – быстро и без сожаления. Да, я заставлял женщин страдать, но ничего не мог с собой поделаться. Теперь расплачиваюсь за прошлые грехи.

Что во мне находят девушки, я не знаю. Им виднее, как поет Валерий Сюткин.

Внешность у меня нордического типа: я высок - метр девяносто, пропорционально сложен, белокожий и бледнолицый - белобрысый, как дразнили меня в детстве. Я легко краснею по причине близкого расположения капиллярных сосудов, что происходит всегда некстати. У меня узкое лицо, голубые глаза, крепкий подбородок. «Отклоняется» от нордического типажа только нос: он у меня не прямой, как полагается, а дерзко вздернутый. «Отклонение», одно-единственное, в корне меняет всё дело: я считаю, что похож на Ваньку-крестьянина - здорового деревенского парубка, но себе на уме. Про Ваньку я подумал после первой встречи с Риммой: я ей не пара. Все то же «справочное бюро» пролило свет на профессию Риммы Аркадьевны Казуютовой. Оказывается, она нотариус, и не простой - владеет частной нотариальной конторой. Ей тридцать восемь лет (никогда и не скажешь!), детей нет, впрочем, как и мужа.

Я тоже не лыком шит: имею кандидатскую степень, но из науки ушел, открыл ювелирный магазин, сейчас подумываю открыть второй.

Почему бизнесмен, весьма успешный, не может стать надежный другом для нотариуса? Хотя бы на первом этапе, а там будет видно.

Мы продолжали встречаться на лестничной площадке, здороваться-кивать, далее в общении не продвигались. Я решил вызвать у Риммы ревность: иногда трепетное чувство можно пробудить именно ревностью. Ты появляешься перед понравившейся тебе женщиной с другой, даешь понять, что она тебе стала безразлична, потому как ты устал ходить вокруг нее кругами. И зачем ходить, если вокруг масса сговорчивых – только свистни! К

женщине приходит осознание – кого она потеряла, а ведь раньше считала его никчемно-ненужным. Придется перейти к решительным действиям, иначе потеряешь «кчемного» и нужного навсегда.

Я пригласил в гости свою старую знакомую, давно имевшую на меня виды. Она осталась у меня ночевать. Утром мы вышли вместе в строго положенное время. Римма увидела меня в обнимку с симпатичной девушкой, кивнула в ответ на мое приветствие и с привычно-независимым видом внедрилась в кабину лифта. Ни тебе недовольства, ни тебе презрительного понимания. Зря старался, называется. Ладно бы мне было двадцать, а то все сорок. Недаром женщины уверяют, что мужчины на всю жизнь остаются мальчишками, только игрушки у них разные, у тех, кто постарше - размером побольше.

Еще пару раз я попадал в объектив Риммы вместе с той же девушкой, чтобы она не посчитала меня ненадежно-ветреным, но во взгляде Риммы не читалась тревога вместе с решимостью. Все как обычно.

Три недели назад Римма укатила в отпуск. Я видел из окна, как она садилась в такси, а водитель укладывал в багажник ее чемодан.

Вот уже три недели я страдаю меланхолией, сегодня – особенно. И никакая сила не способна поднять мне настроение. Осознание, что сегодня последний день лета только усугубило дело.

Когда Римма должна вернуться из отпуска, информатор не донес, потому как данными сведениями не владеет. Я предполагаю, что мне мучиться еще неделю. В лучшем случае.

Буль вволю набегался, я вволю предался воспоминаниям, потом мы нехотя побрели домой.

Вот и лето прошло, словно и не бывало...

Первым делом я сварил себе крепкий кофе без сахара, достал из холодильника пакет молока, только хотел добавить молоко в чашку с кофе, как затренькал звонок. Я автоматически посмотрел на часы, потом пошел открывать дверь.

На пороге стояла Римма Казуютова, встревоженная и непохожая на себя: не было прежней аккуратистки и высокомерной дамочки, отгороженной от всех

высоким забором. Естественно, она не выглядела замарашкой, но вся одежда была какой-то съехавшей. Сикось-накось, как в таких случаях говорит моя мать. Данное впечатление создалось у меня по причине видоизмененной осанки: Римма всегда ходила как по подиуму, с прямой спиной, расправленными плечами, а сейчас одно плечо было выше другого. Если бы у меня были связаны руки и сильно зачесалось ухо, я бы изловчился, подтянул плечо к уху и поерзал, при этом у меня был бы точно такой вид, сикось-накось.

Но Римма не пыталась почесать ухо без рук, к тому же руки у нее были свободны, но в ее лице было столько эмоций, не поддающихся описанию, что я застыл в полном недоумении. Мне показалось, что передо мной не Римма Казуютова, а совсем другая женщина, чем-то на нее похожая.

Она сцепила пальцы в замок на уровне груди, принялась совершать маятниковые упражнения для уставших пальцев рук.

Римма порывалась мне что-то сказать, но испуг, охвативший ее, превратил в эмоционально-жестикулирующее и немое существо. На ум сразу пришло следующее: в подъезде ей встретился горбун Квазимодо и предложил выйти за него замуж. В минуты волнения мне в голову постоянно лезет всякая несуразица, видимо, срабатывает защитный рефлекс. Прямо, не человек, а сгусток рефлексов.

- Здравсте, - брякнул я, желая снять атмосферное напряжение на отдельно-взятой территории, и невольно расплылся в глупейшей улыбке. Ну, точно, Иванушка-дурачок. Очень хотелось заключить гостью в объятия, приголубить-успокоить, но я сдержался, хотя, и с трудом. Радость встречи поглотила волнение, возникшее с появлением другой Риммы, я освободил проход, изогнулся в вежливом поклоне и превратился в регулировщика, но без жезла - жезл мне заменили две ладони, выставленные ребром: пригласил посетить мой дом.

Однако Римма попятилась, руки безвольно повисли по бокам, из груди вырвался то ли стон, то ли призыв к действию. Я подобрался – был готов ко всему! Но, тем не менее, хотел услышать хотя бы один членораздельный звук с ее стороны, объяснение случившемуся.

- Я могу вам чем-нибудь помочь? - спросил я, старательно выговаривая слова, чтобы до нее дошел смысл.

- Эээээ... Таааам... - протянула Римма, указывая на дверь своей квартиры.

- Глеб, - на всякий случай подсказал я. Мне не хотелось быть протяжным «э».

Я подумал, что она приглашает меня в гости, и без раздумий направился в указанном направлении. Подойдя в соседской двери, я оглянулся. Римма не сдвинулась с места, но следила за мной настороженным взглядом. Я вскинул брови в немом вопросе, женщина очнулась и нетвердой походкой приблизилась ко мне.

Ни разу за все время нашего, скажем так, знакомства, Римма не находилась ко мне так близко. Я вдыхал аромат ее парфюма, наслаждался запахом ее кожи, но она вернула меня в действительность, схватив за руку. Ее рука была ледяной, сухой и цепкой. Не сказать, что мне было приятно. Ее взволнованность нелепым образом передалась мне через рукопожатие, избавив от мысленного парения в небесах от близости.

- Там... там... труп, - с трудом справившись с чувствами, шепнула мне на ухо соседка и спрятала голову за мою спину. Причем последнее слово – «труп» - она произнесла так быстро, словно проглотила две средние буквы, получилось «т...п». Но я догадался и уточнил:

- В вашей квартире? – При этом извернулся, чтобы увидеть ее лицо. Лицо было белым и безжизненным. Но Казуютова все же нашла в себе силы подтвердить:

- Там, в моей квартире, ттруп. – Теперь неприятное слово походило на дразнилку для заики.

До трупов ли мне было в этот момент сближения! Ох, как же мне хотелось заключить ее в объятия! Зацеловать... с далеко идущими последствиями. Но я совладал с несвоевременными желаниями и выказал твердость:

- Вы ничего не путаете?

Видимо моя тупая упертость, которую я выдавал за твердость, ее порядком разозлили, в итоге она почти вернулась в свое привычное состояние отрешенности от всего живого, но пока не вернулась в оболочку Стервочки.

- Я уезжала в отпуск, а сегодня... сегодня... - Римма отдышалась, позакатывала глаза для показательного возмущения моим поведением и продолжила более уверенно, впервые назвав меня по имени, - Глеб... Глеб? – на всякий случай переспросила она. Я боднул головой воздух. - Глеб,

сегодня я вернулась из отпуска, з...зашла в квартиру и уувидела на ковре в холле... труп мужчины.

- Входная дверь была заперта?

- Да, как обычно – на два замка.

- Там точно труп?

- Ну, да, - подумав, ответила Римма. – У трупа... у этого человека, - поправилась она, - на с...спине большое пятно крови. Я не кисейная барышня, но увиденное меня... впечатлило, мягко говоря.

- Вы к нему приближались?

Римма посмотрела на меня, как на пациента психбольницы, постоянно твердившего, что он потомок Наполеона Бонапарта, скривила рот и отвернулась. Вся ее поза говорила об одном – зря она обратилась ко мне за помощью: психушка – дом родной, что с него взять.

Я не сдался:

- Вы не проверили, жив он или нет?.. Человека могли ранить, и он нуждается в медицинской помощи, - нравоучительным тоном произнес я, огибая соседку и выпрямляясь перед ней во весь свой гигантский рост.

Римма уперла взгляд в мою грудь и быстро проговорила с недовольством на лице:

- Когда я вскрикнула от испуга, он не пошевелился. Получается, он мертв? Или без сознания? – Она не позволила мне высказать свои соображения или задать очередной уточняющий вопрос. – Вы не представляете, сколько он потерял крови. Кровь расплылась на его свитере. – Римма развела руками – показала, каких размеров кровавое пятно.

- На свитере? – удивился я и пробормотал, - странно-странно. Если я не ошибаюсь, сейчас лето, в свитерах никто не ходит. Днем плюс тридцать, знаете ли, - извиняющимся тоном сказанул я.

- В том-то все и дело, - загадочно отреагировала она.

- Вас смущает свитер, меня он, честно говоря, тоже смущает. Но еще больше смущает труп. Ваша профессия располагает к появлению недоброжелателей, - витиевато высказался я, с трудом вникая в смысл сказанного.



Все мои мысли занимала рядом стоящая женщина, нуждающаяся в моей поддержке. Я не могу ударить в грязь лицом, мне выпал шанс, поэтому я обязан приложить максимум усилий, чтобы... отгородить ее от проблем. И возвыситься в ее глазах. Перестановка фраз значения не меняет. Я лукавлю?

Пока я занимался мысленным выстраиванием первоочередных задач, Римма снова отвернулась от меня, видимо, убедившись в моей тупости. Ее взгляд упал на дверь собственной квартиры. В Римме боролись два желания: желание освободиться от тупоголового мужика, не способного оказать помощь, и желание найти защиту, хотя бы, от тупоголового, который обязан показать себя в лучшем свете.

Я попытался оправдать оказанное мне высокое доверие.

– По долгу службы вы сталкивается с разными людьми, поэтому... не удивительно, что кто-то... - неуверенно пробормотал я, не желая слезать с любимого конька.

Римма недовольно скривилась, отшатнулась и сдавленным шепотом проговорила:

- Вы хотите сказать, что этот человек проник в мою квартиру с одной целью, чтобы меня...убить, но меня дома не оказалось, поэтому он в расстроенных чувствах покончил с собой... Ударом ножа в грудь, - голосом безутешного осознания добавила она после паузы, взятой на раздумье.

- Почему нет? – передернул я плечами. Стоявший на пороге моей квартиры Буль, негромко гавкнул – осудил. Я пробубнил, – согласен, что-то тут не клеится.

- Тут все не клеится, - прошипела Римма. Буль приблизился к ней и лизнул ей руку – успокоил. Римма потрепала его по лохматой голове и потянула за лохматое ухо. Дойдя до края уха, отпустила, ухо вернулось на положенное место. Буль встряхнул головой. Подобные вольности он никому не позволял. Видимо, мое трепетно-терпеливое отношение к соседке передалось и моему псу.

Буль подошел к чужой закрытой двери, принялся и снова осудительно гавкнул. Что-то он сегодня недоволен всем и вся. Я с непониманием взглянул на Буля, потом – на закрытую дверь. Данное обстоятельство, с закрытой дверью, показалось мне подозрительным: если женщина сильно напугана,

она вылетает из помещения и бежит туда, где ее защитят, где ей окажут помощь. Она не станет закрывать за собой дверь. Или станет, если у нее все в порядке с выдержкой. Римма казалась мне взволнованной. Чрезмерно. И было от чего: возвращаясь из отпуска, ничего не подозревая, входишь в квартиру, а там... сюрприз в виде трупа неизвестного мужчины. Вскрикиваешь от неожиданности, пулей вылетаешь из квартиры, но при этом спокойно прикрываешь дверь... Неувязочка вышла? Нет никакого трупа? Придумала с одной целью, чтобы найти причину для более тесного знакомства? И сейчас я войду в квартиру и не увижу никакого трупа в холле на ковре? Что она тогда скажет? Что труп был, она его видела своими глазами, а пока общалась со мной труп встал и ушел, не оставив ни пятнышка на ковре? И странно-осуждающее поведение Буля тому доказательство.

Я приказал лохматому чудовищу удалиться, что тот нехотя и сделал, но уселся на пороге нашей с ним квартиры и стал терпеливо ждать развития событий. И вид у него был при этом не то чтобы равнодушный, а с легкой насмешкой.

Я решительно распахнул дверь квартиры Риммы и застыл: труп имел место быть. Он лежал головой ко входу. На голове была обычная лыжная шапочка зеленого цвета - летом-то! – упомянутый свитер с пятном крови и с аляповатой снежинкой тоже имел место быть, а также - синее трико из прошлых времен, довершали «красоту» трикотажные черные носки. Я сразу поискал глазами обувь спортсмена: в самом деле, не пришел же он в носках! Обуви в холле не оказалось.

- Надо вызывать полицию, - прошептала за моей спиной Римма.

Что-то меня насторожило, поэтому я лишь отмахнулся и переуступил порог. Каким-то двадцать восьмым чувством сообразил, что хозяйка квартиры собирается последовать за мной и остановил ее рукой.

В квартире пахло чистотой, кожей, чем-то неуловимо тонким и хорошим, но никак не смертью и кровью. Я обогнул большой чемодан на колесиках, сиротливо стоявший возле входа, приблизился к трупу и пристроился рядом на корточках. Протянул руку и с неудовольствием заметил, что предательская рука слегка подрагивает.

Тело успело задеревенеть. Лица трупа я не видел, оно уткнулось в ворсистый ковер. Одна рука мертвого человека вытянута вдоль туловища, другая - оказалась под туловищем. Не знаю, была ли на спрятанной руке

перчатка, на видной руке перчатка была. Я совладал с эмоциями и коснулся пятна на спине. Кровь не успела застыть, следовательно, убийство произошло не ранее вчерашнего вечера. У меня не было глубоких познаний в криминалистике, но я любил читать детективы.

Я последовал примеру героев детективов - поднес пальцы в своему лицу и принюхался. Кровь пахла какой-то химией, но никак не кровью. Тогда я рискнул стянуть с трупа лыжную шапочку все той же испачканной рукой – заодно и вытру, удивленно хмыкнул и сразу перевернул окоченевшее тело на спину.

- Вот тебе и мертвец, - ошалело пробормотал я, придирчиво изучая лицо манекена.

Римма осмелела после моего хмыканья и вошла в квартиру. Я думал, она немного успокоиться, что в ее холле лежит не труп, а манекен... Впрочем, о каком спокойствии можно говорить, если кто-то спокойно вскрывает замки, оказывается на ее территории и создает иллюзию убийства с непонятной целью. Но какой-то вздох сомнительного спокойствия должен был вырваться из ее груди.

А что Римма? Неожиданно Римма вдруг беззвучно зарыдала, спрятав лицо в ладонях. Я подскочил и прижал Римму к себе. Чувство жалости заполнило меня, я дал себе слово, что найду гнусного проказника и накажу, чего бы мне это не стоило.

- Все, все, все, - причитал я, ласково поглаживая рыдающую женщину по голове. – Все уже позади, ничего страшного не произошло. Подумаешь, кто-то пошутил, у вас нет повода для волнений, все хорошо. Хорошо же, что это не труп, а манекен?

Римма резко отшатнулась от меня, как будто поздно заметила, что я весь выпачкан в краске.

- Кто-то пошутил? – вскинула она брови, - э, нет, он не пошутил, он решил мне напомнить, что я виновата, что я должна понести наказание за... - Римма осеклась.

Она смотрела мне в лицо, я смотрел ей в лицо и ничего не понимал.

- Если вы хотите знать, я не виновата в смерти Сергея, - дерзко продолжила она, чем напустила еще большего тумана.

- Давайте начнем с начала. Кто такой Сергей и что произошло? С ваших слов я понял, что Сергея убили?

- Двадцать лет назад, - уточнила Римма.

- Значит, трагедия с вашим знакомым случилась двадцать лет назад, - проговорил я голосом воспитателя детского сада, который уговаривает малыша вспомнить, где тот оставил любимую игрушку.

- Сергей только-только вернулся из армии. Не знаю, что могло случиться, но он стал другим. Мы часто ссорились. Он был невыносим, если честно.

- Он был в «горячей точке»?

- Сергей не желал говорить на эту тему. Но в то время была война в Чечне. Поэтому не сложно догадаться... В тот вечер он пришел ко мне. Я корпела над учебниками - в то время я училась на третьем курсе юридического. День выдался сложным, у меня было плохое настроение, а Сергей, как обычно, был настроен по-боевому. В общем, слово за слово, мы вдрызг разругались: он наговорил мне всякой ерунды, я не осталась в долгу, указала ему на дверь. И он ушел. А утром я узнала, что... его убили ударом ножа в грудь неподалеку от моего дома. Его родные считали, что в смерти Сергея косвенно виновна я, я должна была его удержать, оставить у себя на ночь.

- Он часто у вас ночевал? – втиснулся я со своим уточняющим вопросом, любопытство проявил.

- В том-то и дело, что между нами не было близости, хотя, Сергей настаивал. Мы хотели пожениться. Я получила пуританское воспитание, поэтому терпеливо ждала первой брачной ночи. И как бы я могла его оставить у себя, если в то время жила с родителями... С отцом, вернее, мама к тому времени умерла. Сердечный приступ и... конец. Молодая еще была.

- Когда произошла трагедия в вашей семье?

- Незадолго до возвращения Сергея из армии. Я надеялась найти в нем поддержку, а... у него было одно на уме. Ну, вы понимаете.

- Вы жили с отцом, получили пуританское воспитание, но любили Сергея, два года хранили ему верность. – Я собрался с духом и высказался, - при желании всегда можно найти время, место и пренебречь воспитанием. Ведь так? – Римма мой вопрос проигнорировала, она старательно отводила глаза от

«трупа», но волей-неволей взгляд утыкался в него. - Но что-то мне подсказывает, что за два прошедших года вы успели изменить свое отношение к Сергею, - в итоге выдал я.

- Вы правы. Я поняла, что мы с Сергеем очень разные. И юношеская любовь давно прошла. Два года не только изменили Сергея, но и меня. У меня появились новые друзья, новые интересы. Но не появилось сердечного друга. Да, я хранила ему верность и ждала его возвращения.

- Он не поверил, вернулся из армии и начал высказывать свои подозрения.

- Он меня измучил. В итоге я заявила, что да, я такая-разедакая, я ему изменяла направо и налево, и вообще, люблю другого. С этим он ушел, хлопнув дверью. И больше я его не видела... живого.

- Но причем здесь манекен?

- В тот вечер на Сергее была лыжная шапочка, свитер и спортивное трико. Не скажу, что один в один, как у... этого, - Римма дернула головой в сторону «трупа», - но очень похоже. Двадцать лет Сергей стоит у меня перед глазами, я заново осмысливаю тот наш последний разговор, ищу свою вину, обвиняю его, оправдываю себя. В общем, круговерть...

- Как бы вы себя не пытались оправдать, а не выходит! – вспыхнул я, а мой пес, нагло оказавшийся рядом осуждающе прорычал.

- Косвенно я виновна в его гибели.

- Ерунда какая, - нахмурился я. - Римма, вы поймите, нельзя жить с этой болью двадцать лет! Неужели вам непонятно?

- Все мне понятно, - вздохнула Римма и сосредоточилась на манекене.

- Свитер залили красной тушью, - зачем-то сообщил я.

- Кто-то решил мне напомнить о моей косвенной причастности к гибели Сергея, чтобы со мной не случилось амнезии. И чтобы я не расслаблялась.

- Или проделали этот фокус-покус с какой-то другой целью. Хотели отомстить?

- Отомстить за смерть Сергея, спустя двадцать лет?

- Его родители живы?

- Они не могли смириться со смертью своего единственного сына, нашли утешение в алкоголе, окончательно спились и скончались от цирроза печени.
- Другие родственники у них были?
- Были где-то, но я о них ничего не знаю, так, только слышала от Сергея. Насколько мне известно, родственных отношений они не поддерживали. Якобы кто-то на кого-то затаил обиду.
- Настоящего убийцу нашли?
- Нет. Решили, что орудовал невменяемый, а Сергей оказался случайной жертвой. Тем более, спустя месяц в том же сквере нашли еще один труп. Метод убийства тот же – удар ножом в грудь. Орудия убийства ни в первом случае, ни во втором не нашли.
- А второй убитый вам знаком?
- Это была молодая женщина. Еще говорили, что у нее остался маленький ребенок, лет пяти кажется. Точно не помню. Знаю одно – я эту девушку раньше никогда не видела. Мне ее фото в полиции, тогда в милиции, показывали. Там же сказали о ребенке. Женщина работала на заводе и жила в общежитии. Возвращалась домой после второй смены. Поздний вечер, безлюдное место, преступник набросился на нее и убил. Уверена, окажись на ее месте кто-то другой, убил бы его.
- И опять случайная жертва. На этом убийства закончились?
- Не знаю, по крайней мере, ко мне милиция с вопросами больше не обращалась.
- В истории с убитой молодой женщиной они обращались потому, что предположили, что между Сергеем и второй жертвой существовала связь?
- Наверное.
- С чего они это взяли? Потому что времени мало прошло между убийствами?
- В их головы я не могла залезть.
- Родителей Сергея тоже допрашивали?
- Конечно, но они тоже не могли сказать ничего вразумительного, тоже видели девушку впервые.

- Вернемся в день сегодняшней, - выдержав паузу, предложил я. – Пронести мимо консьержа манекен не так просто. Поэтому мы сейчас спускаемся вниз и пытаемся что-то выведать. А манекен я перенесу в свою квартиру, чтобы он не мозолил вам глаза.

- Может, лучше вынести его на помойку?

- Ни в коем случае – это вещественное доказательство. - Я вдруг опомнился, - Римма, вы будете писать заявление в полицию? Если да, то я оставлю все как есть. Сейчас мы позвоним, пусть приезжают и разбираются.

- Вы отказываетесь мне помочь? - без всякой обиды, с полнейшим равнодушием, убивающим меня, спросила Казуютова, забыв о своем первоначальном желании обратиться в компетентные органы. В тот раз я отмахнулся. Сейчас я считал, что этим запутанным делом должны заниматься профессионалы. Это с одной стороны. А с другой... я обещал сделать для этой женщины все возможное и невозможное. Она не побежала в полицию, она пришла ко мне, она сделала свой выбор, я не могу поступить иначе.

- Нет, конечно, я не отказываюсь вам помочь, но полиция обязана провести следственные мероприятия, разобраться, как злоумышленник проник в вашу квартиру: вскрыл отмычкой или в его руках каким-то образом оказался ключ. Или дубликат ключа.

- Я не хочу выворачивать перед ними душу, не хочу больше говорить о прошлом. Вы меня понимаете?

- Я вас понимаю, - отчетливо выговорил я. – Раз вы не желаете обращаться в правоохранительные органы, мы сами займемся поиском преступника. Но в любом случае, замки нужно поменять. Я сам этим займусь.

- Буду вам очень благодарна.

- Пока рано меня благодарить, - отчеканил я.

Я вынес из квартиры Риммы манекен и устроил его на своей лоджии. После чего позвонил приятелю, владельцу магазина женской одежды, и предложил забрать манекен, не выдавая ненужных подробностей. Приятель сразу согласился и обещал прислать человека. Я ни без труда освободил

манекен от одежды, а одежду засунул в черный пакет для мусора. После чего спрятал пакет подальше. Выбрасывать не решился.

Потом зашел за Риммой, и мы отправились на первый этаж, чтобы поговорить с консьержем.

Черенков Тимур Яковлевич, крепенький бровастый мужчина около семидесяти, похожий на гриб-боровик, бывший кадровый военный, как всегда был на своем посту.

Всем жильцам наш страж намекал, что имел высокий военный чин, но его супруга, сухощавая и высоченная, как Эйфелева башня, мадам Мария Спиридоновна Черенкова, как-то проболталась информатору, что Тимур Яковлевич закончил свою военную карьеру прапорщиком. Мадам Черенкова часто подменяла мужа на посту по защите «отдельной недвижимости жильцов», как сам любил говорить бывший прапорщик, желая возвысить себя до небес и указать жильцам на свою превеликую значимость. Мария Спиридоновна была выше супруга на голову, поэтому он всегда взирал на нее снизу вверх, в прямом и в переносном смысле этого слова: муж жену побаивался. При любом случае старался увильнуть от общения со своей благоверной. А где еще ему укрыться, если не в соседней новостройке, куда он устроился на работу консьержем. Ему предлагали взять помощника, он наотрез отказывался, ссылаясь на маленькую пенсию. Когда на пост заступала Мария, Тимур Черенков возвращался домой. Так выходило, что супруги общались на лету, что устраивало если не обоих, то самого Тимура уж точно.

Мне хотелось пообщаться с Черенковым, более ответственным человеком, чем его Мария. Поэтому при виде его коренастой фигуры с большой головой я не удержался от улыбки. Хотя, как знать: женщины более глазастые и догадливые, чем мужики, но, увы, с богатой фантазией: выдадут то, чего на самом деле не было.

Я начал издали, поинтересовался здоровьем, чего отродясь не бывало. Тимур крякнул, подозрительно на меня взглянул и с недовольством заметил, что еще всех нас переживет. Я несколько в этом не сомневался. Отметил его наблюдательность, отличную память. Покончив со вступлением, перешел к делу:

- Тимур Яковлевич, кто-нибудь из жильцов заносил в подъезд новый ковер, к примеру, или новую мебель в упаковке? Или что-то еще, габаритное?



- Вы, Глеб Евгеньевич, кругами не ходите, говорите прямо – что вас интересует!

- Меня интересуют габаритные покупки, которые приобрел некто из жильцов.

- А зачем вам это знать? – резонно спросил Черенков.

- Вы понимаете в чем дело, - вступил я неспешно, на ходу сочиняя причину своего неожиданного любопытства. – Кое-что произошло, поэтому я и... интересуюсь...

- Так что, что произошло? – перебил мое блеяние консьерж. В его глазах появился охотничий азарт, а я сделал неутешительный вывод: в преклонном возрасте слишком мало развлечений, жизнь обыденна и однообразна. Впрочем, мне об этом думать пока рано.

- Дело вот в чем, дорогой мой Тимур Яковлевич, - строго поглядывая на него начал я, - и дело, надо сказать, серьезное. Проблемка одна образовалась...

Римма Казуютова мягко меня ущипнула на руку – призвала к решительным действиям. С сочинительством у меня всегда были проблемы, с детства мать приучала говорить правду и только правду. Хотя, жизнь заставляет уходить от прямого ответа на поставленный вопрос, если ответ пагубно отразится на отношениях, в которых я заинтересован.

Дальше тянуть было нельзя. Мой взгляд уперся в стену подъезда, гладкую и почти свежескрашенную.

- А дело в том, что нерадивые грузчики поцарапали стену в подъезде на нашем этаже, - протараторил я. – И теперь я хочу понять, с кого спрашивать! С грузчиков, естественно, спрос невелик, а вот жильцам, которые приобрели крупногабаритную... вещь, надо указать на оплошность.

Римма скользнула по мне осуждающим взглядом – где вы видели, чтобы ковром, о котором шла речь в самом начале и под которым я подразумевал вещь в конце своих мучений, поцарапали стену в подъезде?!

- Ай, ай, ай, какая незадача, - покачал головой Черенков и засуетился, - ну-ка, пойдёмте, покажите.

- Потом покажу, не горит, - осадил я. – Для начала хочу услышать ответ на свой вопрос.

Тимур Яковлевич подумал, полистал свою учетную тетрадь, почесал нос, потрепал ухо, и, наконец, перешел к выдаче интересующей нас информации:

- Позавчера в квартиру сорок один привозили холодильник. Здоровенная упаковочная коробка, не меньше двух метров. Как полагается, я спросил, к кому доставка, они ответили, в сорок первую. И прошли, значит. Вскоре возвращаются, и меня вдруг осенило: в какую ж сорок первую, если жильцы уехали. И грузчиком об этом сказал. А они: наше дело маленькое, доставил товар, получил подпись в квитанции и был таков.

- Погодите, в сорок первой живет парень-инвалид с матерью, - вспомнил я.

- Правильно! Мать с сыном-инвалидом уехали в санаторий, мать мне еще хвалилась, что им дали льготную путевку в очень хороший санаторий на Черноморском побережье. В Адлер, кажется... Точно, в Адлер. Она еще называла санаторий... - Тимур подумал и сообщил, - «Южное взморье» называется.

- А когда они уехали? – уточнил я.

- Третьего дня. А на следующий день холодильник доставили.

- И больше грузчики вам ничего не сказали, а вы не поднялись и не проверили? – вмешалась Римма.

- Они сказали, что в квартире была молодая женщина. Она и приняла доставку. Будто бы родственница хозяев.

- Вы ее видели?

- Как входила, не видел, может, Мария моя ее пустила в подъезд. Или она вошла с кем-то из жильцов, а я отлучился на минутку по естественной надобности... простите.

- Черт побери, - не сдержал я эмоций.

- Погодите вы чертыхаться, я ж ее видел! Позже видел ту самую девушку из сорок первой, родственницу жильцов.

- Когда видели? – строгим голосом спросила Римма.

- Когда она уходила. Мимо меня прошла. Дело было вскоре после отъезда грузчиков. Девушка еще тянула сложенную картонную упаковку. Думаю, из-под того самого холодильника. Я ей помог, донес до помойки.

- А вставки из пенопласта тоже тянула? – заинтересовался я, смекнув, что одной картонной упаковкой дело бы не обошлось. Или обошлось, при условии, что внутри не было холодильника, а был... манекен. Все-таки, я сообразительный малый. И скромный.

- Какие-такие вставки из пенопласта? – насупился Черенков, кося глазом на Казуютову, как будто призывал ее в союзники.

– Знаете, в упаковках есть пенопластовые вкладыши, чтобы товар сидел плотно, - подсказала Римма, прочерчивая ладонями вертикальные параллельные линии поочередно в разных плоскостях, изображая форму квадрата.

- Вкладыши? – призадумался пожилой мужчина. – Нет, вкладышей не было. Возможно, решила вынести в следующий раз, за один бы не осилила. И если дело идет о покупке холодильника жильцами из сорок первой квартиры, то по этой причине никаких царапин на стенах не могло появиться: вы живете на двенадцатом этаже, а сорок первая - на седьмом. Получается, вы что-то сами... напортачили. Вам и отвечать, в смысле, делать косметический ремонт.

- Сделаем, не волнуйтесь, - успокоил я консьержа. – Вы лучше опишите девушку.

- Симпатичная. Лет двадцать с небольшим хвостиком. Невысокого росточка, святые мощи – в том смысле, что худющая. Потому я и вызвался ей помочь – еле тянула она свой груз.

- Блондинка, брюнетка?

- Блондинка, но не совсем.

- Что значит, не совсем? – не понял я.

- Волосы у нее как седые.

- Пепельные, - подсказала Римма Аркадьевна. – На парик не похоже?

- А кто его знает, может, и парик. Я в этом не сильно разбираюсь.

- Вернемся к грузчикам, - предложил я. – Вы их запомнили?

- Два молодых парня в комбинезонах, не сказать, что качки. Средней комплекции.

- Молодые... хм... А конкретнее? Для вас и сороколетние - молодые, - не сдержался я от замечания.

- До тридцати, не больше. Средней комплекции, - повторился Черенков. Подумав, высказался точнее, - один покрепче, другой сухощавый, но жилистый. Первый, тот, что покрепче, нес холодильник в упаковке на своем горбу, согнувшись в три погибели, а второй только контролировал.

- Легко нес? – уточнила Римма.

- Не особо утруждаясь – так бы я сказал.

- Вот и ответ на наш вопрос, - брякнул я.

- Граждане-товарищи, вы мне туману не напускайте, говорите прямо, что случилось.

- Ничего не случилось, - высказалась Римма таким тоном, что у консьержа тут же отпало всякое желание задавать вопросы. Он показательно отвернулся и уставился в телевизор.

- Еще один последний вопрос, - отвлек я Черенкова, - вы видели, на какой машине приезжали грузчики?

- На обычной «Газели», без всяких надписей на борту. Белая «Газель». Один сел за руль, другой - с ним рядом. Сели и уехали. Одежда у них тоже была без логотипов, но оба были в комбинезонах синего цвета, футболках и бейсболках. Лиц я не рассмотрел. Обычные лица, без особых примет.

- А номер «Газели» запомнили?

- Мне оно не нужно, - задиристо ответил консьерж и опять уставился в телевизор.

Раздался зуммер звонка домофона на входной двери. Тимур Яковлевич впустил гостя в подъезд нажатием потайной кнопки. Когда гость появился рядом с его стеклянной будкой, он придирчиво его осмотрел и спросил, к кому тот пришел. Молодой парнишка назвал мою квартиру. Мы с Риммой топтались в ожидании лифта, поэтому я услышал и заинтересовался.

- Вам к этому человеку, - набычившись, произнес Черенков и повел головой в мою сторону.

Парень приехал за манекеном. Мы втроем поднялись на двенадцатый этаж. Римма пошла к себе, а мы с парнем направились в мою квартиру. Буль встретил нас в прихожей, при моем появлении он возмущенно гавкнул, а гость вжался в дверь.

- Не бойтесь, он вас не тронет, - успокоил я парня. Вынес ему манекен, и парень поспешно удалился.

- Буль, как думаешь, стоит пригласить соседку на завтрак? – обратился я к четвероногому приятелю. Тот склонил на бок свою кудлатую голову и вздохнул. – Думаешь, зря стараюсь? А если не зря? Стоит попробовать? А?

И, недолго думая, отправился в соседнюю квартиру.

Римма сразу открыла дверь. Я успел убедиться, что ковер в холле не пострадал, на него не попало ни капельки «крови». Или хозяйка успела уничтожить следы «волшебным» средством.

Римма успела переодеться в легкомысленные шорты и маечку. Волосы были влажные – и когда только успела принять душ?!

- Римма Аркадьевна, - обратился я к ней.

- Что ж так официально, можно просто Римма и на «ты».

- Римма, приглашаю тебя на завтрак. Заодно и обсудим наши дела.

- Наши?

- Наши. И не волнуйтесь... не волнуйся, манекена больше нет. Его увезли. Пусть «займется» своим привычным делом, демонстрирует одежду.

- Спасибо вам... тебе, Глеб. Я переоденусь и приду. А лучше, давай позавтракаем у меня дома. Но сразу предупреждаю - ничего кроме кофе и печенья я предложить не могу, холодильник пуст.

- Если тебе комфортнее на своей территории, - догадался я, - то я согласен. Только принесу какой-нибудь еды, одним кофе с печеньем сыт не будешь...

Я принес сливочное масло, сыр, колбасу и батон. Римма сделала бутерброды и красиво разложила их на блюде.

Мы пили кофе с бутербродами и разговаривали. Никогда не мог предположить, что событие, подобное сегодняшнему, нас сблизит. Я не переходил запретной черты, чтобы все не испортить, вел дружескую беседу, рассказывал о себе, вспоминал прошлое. Римма внимательно слушала, улыбалась, о себе предпочитала помалкивать. Я спросил ее об отце.

- После выхода на пенсию он перебрался на лоно природы: купил домик в поселке, не так далеко от города. Занимается садоводством и огородничеством. Я навещаю его не часто. Чаще он ко мне приезжает.

- Странно, что я никогда не видел твоего отца.

- Может быть, и видел, но не придавал значения, - передернула плечами Римма и замолчала.

Я тоже молчал, не знал, как вернуться к утреннему происшествию с манекеном. Видимо, Римма тоже думала только о «привете из прошлого», о котором пыталась забыть все двадцать лет.

Неожиданно она заговорила, как бы продолжила свой рассказ, начатый в ее квартире некоторое время назад, когда мы стояли у «труса» с живописным пятном «крови» на спине.

- После того случая с Сергеем я отгородилась от людей... Беспочвенные обвинения заставили отгородиться. Я слишком ранимая. Папа предлагал мне все бросить и уехать из города, но я отказалась. Думала, вот окончу университет, тогда и уеду к черту на кулички. Когда получила диплом, подумала: почему я должна убегать, покидать свой родной город, тем самым подтверждая слова злопыхателей о своей вине в гибели Сергея? Дудки, никуда не уеду!

Мы дружно помолчали. Я исподтишка наблюдал за Риммой, попивая кофе, а Римма смотрела в сторону. Ее лицо было несчастным, а глаза говорили о работе мысли. Интересно, о чем она думает. О ком? Скорее всего, о погибшем Сергее. Уж точно, не обо мне. И я решил о себе напомнить.

- Римма, ты не проверила, в квартире ничего не пропало?

- Все свои немногочисленные ценности перед отъездом я отвезла на работу и положила в сейф. В квартире тоже есть сейф, но я ему не доверяю. В том смысле, что он не закреплен – не успела вызвать мастера, недавно приобрела...

- Тогда это не сейф, а переносной ящик.
- И я о том же - при желании, можно взять подмышку и вынести. А в спокойной обстановке вскрыть замок.
- Я спросил на всякий случай, ясное дело, что преступник имел иные цели, нежели кража ценностей и имущества.
- А спросить ты хотел, кто вхож в мой дом, имея в виду посторонних мужчин,
- зыркнув в мою сторону, высказалась Казуютова.
- Вовсе нет, - дернул я головой и покраснел. Вот же дурацкая привычка, выдающая меня с головой!
- Но я все равно отвечаю: я не монахиня, в моей жизни присутствовали мужчины, но без штампа в паспорте. Поначалу у меня к ним были чувства, но потом чувства быстро улетучивались. Не вижу смысла жить с мужчиной без чувств, одно издевательство над собой.
- Ты расставалась с ними без сожаления, а они?
- У них, возможно, еще теплились чувства, но терпеть мой невыносимый характер дано не каждому. Поэтому, после недолгих размышлений, они приходили к выводу, что расставание – лучший выход для обоих.
- У тебя невыносимый характер? – якобы не поверил я, будучи уверенным, что передо мной та еще штучка.
- Когда я разочаровываюсь в мужчине, он начинает меня бесить. Надо сразу расставаться, а не мучить его и не мучиться самой, но какое-то время я пытаюсь склеить отношения, стараюсь уйти от отрицательных черт, концентрируюсь на положительных, но у меня ничего не выходит...
- И папа говорит: дочь, тебе давно пора выйти замуж, родить ребенка, чем тебя этот мужчина не устраивает.
- Как-то так. Знаю, давно пора, но... насильно мил не будешь. Я об отношении к мужчинам.
- Неужели причина твоих сложных отношений с противоположным полом кроется в комплексе вины? Или ты боишься строить серьезные отношения, чтобы...

- Уж не думаешь ли ты, что я боюсь, что с кем-то из моих мужчин произойдет тоже самое, что и с Сергеем? – перебила меня Казуютова. Я неопределенно повел плечами. – Зря ты так думаешь. Я избавилась от комплекса вины... почти избавилась. Думала, что история давно забылась, и вот теперь... кто-то усиленно пытается мне напомнить.

С моей стороны необходимо поддержать тему утреннего происшествия, Римма ждала от меня этого, но я сидел молча и сверлил ее взглядом. Ранимая, самолюбивая, несчастная. Живет за высоким забором и изображает счастье – самодостаточная женщина не страдает от одиночества. Хотелось бы увидеть ее влюбленной, заметить преображение. Тогда и высокий забор исчезнет, и самолюбие уйдет в сторону, и счастье будет настоящим, не показным. Найдется ли такой мужчина? Найдется ли мужчина, который сотворит с ней чудо преображения? И как она поступит? Сразу сдастся или начнет ставить на нем эксперименты, проверять, заставляя проходить испытания на... умение ее любить? Хотел бы я быть этим подопытным кроликом? Точно знаю – нет! Если женщина любит мужчину или мужчина любит женщину, причем кто-то из них страдает комплексом недоверия, то это не повод устраивать «гонки по вертикали». Выполнил успешно трюк - получил медаль, заслужил, достоин.

От размышлений меня оторвал голос Риммы Казуютовой.

- Глеб, у тебя такой вид, - закатила она глаза.

- Какой у меня вид?

- Можно подумать, что ты сожалеешь, что согласился на эту авантюру. Наверное, я зря обратилась к тебе за помощью. Знай, я не обижусь, если ты сейчас встанешь и уйдешь. Ты мне ничем не обязан.

- Я не могу встать и уйти, бросив тебя наедине с этой серьезной проблемой. Насколько я понял, тебе больше не к кому обратиться, ты по собственной инициативе отгородилась от всех людей высоким забором...

- Но временно пропускаю на свою территорию... эээ...

- Избранных, - подсказал я, неумело пряча злость.

- Не избранных, а просто мужчин, которые... привлекли мое внимание, - тщательно подобрала определение Римма. И призналась, - сейчас у меня нет рядом надежного мужского плеча, но ты не подумай, что мой выбор вышел



спонтанным, я сразу увидела в тебе настоящего мужчину, который никогда не откажет женщине, попавшей в сложную ситуацию.

Что я должен был сделать? Выпятить грудь от гордости после ее признаний? Заключить ее в объятия, посчитав ее слова намеком? Что именно я должен сделать?

Я должен разобраться в случившемся! Оградить эту несчастную женщину, к которой меня тянет магнитом, от проблем. Она из категории их тех женщин, которые не разбрасываются словами и признаниями, она четко знает, чего хочет от жизни, от конкретного мужчины.

Римма не профессиональная актриса, она не изображала испуг, когда спозаранку пришла ко мне. Она не выискала причину, чтобы сойтись со мной, тем редким мужчиной, который завладел ее вниманием. Всё произошло само собой. Римма вернулась домой, увидела «труп», тотчас бросилась ко мне. Ко мне, не к кому-то еще. Я горд, я ей признателен. Наконец! Как долго я этого ждал! Как хочется... всего и сразу. Но... позже...

Время близилось к полудню. Смартфон я намеренно оставил дома, чтобы меня не доставала телефонными звонками моя помощница Оксана. Моя правая рука и левая нога, как я зову ее в шутку.

Небось, телефон звонит непрерывно, выводя из равновесия моего верного четвероного друга Буля, предпочитающего тишину и покой после завтрака. Я знал, как поступит Буль: сбросит лапой телефон со стола и примется гонять его по полу, как футбольный мячик, заранее уверенный в своей безнаказанности. Зря надеется – придется ему прослушать лекцию о правильном поведении. И надо спешить, пока мой смартфон не пришел в негодность.

Пока я подбирал слова, умная женщина Римма сообразила, что я не только ее сосед и с некоторых пор помощник в решении сложных задач, но у меня есть свои обязательства перед другими людьми. О чем она заявила без всякой обиды. Я согласно кивнул, обещал скоро вернуться и поспешил к себе.

Переоделся, отчитал Буля, прятавшегося на лоджии, нашел свой смартфон, проверил входящие звонки, позвонил Оксане и предупредил, что скоро буду...

Вот и лето прошло, словно и не бывало...

Однако последний день лета успел «наследить»: преподнес Римме Аркадьевне Казуютовой неприятный сюрприз в виду «трупа». А мне выпала удача...

Как я не пытался в быстром темпе разделаться с делами, все равно дела задержали меня до вечера.

Я вернулся поздно. Потоптался у соседской двери, но беспокоить Римму не решился.

Буль ждал меня в прихожей. Мы с ним сразу отправились на прогулку. Все наши недоброжелатели давно разошлись по домам. Буль мотался туда-сюда и задорно лаял, а я был погружен в думы о соседке. Представлял, какой открытой и наивной она была до трагедии с Сергеем, как потом долго лепила из себя другого человека, и ей это удалось. Принесло ли счастье, это другой вопрос. Но надо признать, что у этой женщины волевой характер. Если бы не манекен в одежде Сергее, она бы никогда не обратилась ко мне за помощью. Дело ни в трупе, ни в самом манекене, дело в прошлой трагедии, которая до сих пор не оставила ее.

Мы с Булем поужинали, посмотрели телевизор, потом Буль засопел на своей мягкой подстилке, а я долго ворочался и не мог уснуть. Все размышлял, кто мог напомнить Римме о трагедии? И с какой целью?..

Утром меня опять разбудил звонок в дверь. Сначала я подумал, что звонит будильник на смартфоне, потискал его в руках, сообразил, что звонят в дверь и пошел открывать.

На пороге стояла Римма.

- Доброе утро, Глеб. Извини, что разбудила, но...

- Проходи, - пригласил я, пока она подбирала слова.

Она зашла в прихожую, прислонилась спиной к стенке и призналась, потупив взор:

- Глеб, кажется, у меня паранойя.

- Давно поставила себе диагноз или только что?

- Я серьезно, а ты... шутишь.

- Я серьезен как никогда. Готов тебя внимательно выслушать не хуже психолога. Так в чем выражается... ваша особенность, Римма Аркадьевна? – Я стоял перед ней скрестив руки на груди и изучал ее лицо пристрастным взглядом. Было заметно, что Римму что-то сильно беспокоит и огорчает. Может быть, причиной тому я? У нее проблемы, она обратилась ко мне за помощью, а я веду себя как шут гороховый. Но я пока не знаю как реагировать за все происходящее вокруг нее, отсюда и недостойное поведение. Слишком часто возникает желание уйти в сторону, забыть о ее существовании вместе с ее проблемами, но я быстро меняю решение, когда мысленно представляю ее несчастное лицо.

Почему я решился тащить на себе этот тяжкий груз? Ответ ясен, как солнечный морозный день: я влюблен и кажется серьезно. Одно обижает – для сближения со мной нашелся повод, пусть и серьезный.

Римма отлипла от стены, но не сдвинулась с места. Мне показалось, что ее первоначальный порыв – удалиться с гордым видом – сменился желанием поговорить без утайки.

- Думаю, нам лучше присесть, - спохватился я и пригласил гостью в комнату. Но она лишь отрицательно покачала головой. Я предложил выпить по чашке кофе – результат тот же.

- Глеб...

- Если ты не хочешь ничего говорить, то не говори.

- Но мне надо посоветоваться.

- Советуйся, - согласился я. Мое напускное безразличие едва не заставило Римму наговорить мне разных разностей, в основном неллицеприятных, и уйти навсегда. Но что-то в моем лице было такое, что она не только осталась, но и заговорила более спокойно и уверенно.

- У меня кажется паранойя, без твоей помощи мне не разобраться, галлюцинации ли у меня или всё произошло на самом деле.

Пока мне ничего не было понятно, но я молча слушал, не вставил ни одной реплики в образовавшейся паузе, чтобы не усугубить свое незавидное положение неудачливого помощника в скользких вопросах.

- Понимаешь в чем дело: мне... нет, не показалось, я уверена, что внизу, прямо под моей лоджией... на земле лежит человек... очень похожий на меня... Или все-таки со мной что-то не так? - подумав, спросила она у меня.

Я не нашел ничего лучше, как недоверчиво поинтересоваться:

- Ты рассмотрела человека с высоты двенадцатого этажа?

- Да, у меня отличное зрение.

- У меня тоже. Поэтому я тоже хочу взглянуть.

- Со мной точно что-то не так, - высказалась она со вздохом.

- Мы во всем разберемся, - попытался я успокоить ее. – После случая с манекеном я нисколько не сомневаюсь и не удивляюсь, что кто-то, похожий на тебя, лежит на земле возле нашего дома.

- Ну, да, после случая с манекеном в одежде Сергея, можно ничему не удивляться, - пробормотала Римма Казуютова. - Знаешь, Глеб, очень похоже на то, что... этот человек, - четко выговорила она, не желая сбиваться на женщину схожей с ней наружности, - что он мертв. И вся его поза н...намекает на то, что человек выпал из окна. Сам выпал или ему кто-то помог. Неужели произошло убийство? И совершено оно ради того, чтобы довести меня до сумасшествия... Несчастный человек стал разменной монетой в чьей-то игре, - сухим голосом юриста высказала она свое предположение, как будто речь шла о ком-то постороннем.

Я не знал, что ей ответить. Строить свои версии на пустом месте не было смысла. Для начала надо убедиться, что труп или не труп, очередной манекен, валяется под лоджией Риммы. Я нашел на полке шкафа подзорную трубу, которую мне еще в детстве подарил дед, и направился следом за соседкой в ее квартиру - мои окна выходили на противоположную сторону.

Когда мы повисли над перилами, внизу уже толпился народ. Женское тело лежало на земле в неестественной позе. Наш «генерал» Черенков размахивал руками и что-то убедительно доказывал. Затем поднял глаза вверх и замолчал, завидев нас.

Я изучал женскую фигуру, похожую на поломанную куклу, через объектив подзорной трубы. У куклы – мне хотелось, чтобы это была кукла-манекен, чтобы никто не пострадал, - цвет волос был, как у Риммы. Копна шатеновых

волос была густой, длинные волосы веером разложились вокруг головы. На кукле было платье темно-зеленого цвета из гипюра. Парадно-выходное, как любила говорить моя мать. На ногах – туфли на высоких каблуках. Именно обычные, человеческие, туфли заставили меня убедиться, что внизу находится не манекен, а труп женщины.

Всё странно и подозрительно, - подумал я, - если она выпрыгнула из окна, то каким образом на ногах удержались туфли? Предположим, она не выпрыгивала из окна, ее убили в другом месте, а потом привезли сюда. Положили под окнами Риммы, чтобы дать понять, как она обязана поступить после... того, что натворила двадцать лет назад. Нелепость какая-то.

Пока я рассматривал с помощью подзорной трубы труп в зеленом платье и группу людей во главе с Черенковым и его супругой, Римма куда-то удалилась, но быстро вернулась.

- Платья нет, - выдохнула она.

Я оторвался от подзорной трубы и спросил:

- Какого платья?

- Моего любимого зеленого платья, которое сейчас на... на той девушке, - с легким заиканием произнесла Римма .

- Это кукла, это не девушка, - сдуру ляпнул я.

Римма отмахнулась от меня двумя руками. Пометалась по лоджии, остановилась на прежнем месте и пробормотала, глядя мне в глаза:

- Что-то мне подсказывает, что еще недавно этот труп был живым человеком.

- Только не делай скоропалительных выводов, - предостерег я.

- Делай-не делай, а... - Римма осеклась, затем продолжила, - Глеб, ты видел ее волосы? Точь-в-точь, как у меня, только длиннее... Это я лежу внизу на земле, - неживым голосом сказала она.

- Не сходи с ума! – рявкнул я и хорошенько ее встряхнул.

В кармане моих шорт задергался смартфон. Звонил Черенков.

Я ответил, при этом продолжал рассматривать «генерала» через «прицел» подзорной трубы. Я слушал его голос и следил за его движениями.

- Глеб Евгеньевич, как я понимаю, вы все видите своими глазами.

- Вижу.

- Так вот я хочу вам сказать, что эта погибшая девушка – та самая, из сорок первой квартиры, которая расписалась в получении холодильника. Но в тот раз она была пепельной блондинкой.

- Вы полицию вызвали?

- А то как же!

- Я сейчас спущусь.

Но я не спешил уходить со своего наблюдательного пункта. Между тем решительный Черенков наклонился и ухватился двумя пальцами за волосы трупа. В его руках оказался парик. Под париком оказались волосы цвета спелой пшеницы, стянутые резинкой в короткий хвостик. Следовательно, в предыдущий раз девица тоже была в парике, но пепельного цвета.

- Они знали, что скоро ее убьют и забрали из моей квартиры зеленое платье. У них всё распланировано... Убили свою соучастницу, которая в тоже время была свидетелем, могла их выдать, - задумчиво протянула Римма, стоя за моей спиной. Вниз она смотреть не решалась.

- Ты остаешься здесь, а я пойду на улицу, все выясню.

Но прежде забежал в свою квартиру и сменил шорты на джинсы, остался в той же футболке. Буль крутился под ногами, намекая, что пора бы идти на прогулку.

- Ладно, пошли, - согласился я...

Время было раннее, но зевак становилось все больше и больше. Я замер в сторонке, сожалея, что взял с собой пса. Он тянул поводок в сторону сквера и не понимал, почему я стою на месте. Незлобно обругал меня заливистым лаем, но я никак не отреагировал.

Между тем оратор Черенков заметил меня и подошел.

- Девушку ударили по голове, под париком рана с засохшей кровью. Значит, ее где-то убили, а потом привезли сюда. Почему не отвезли за город и не закопали? Тогда бы труп вовек не нашли. Получается, убийца хотел, чтобы ее обнаружили, причем не где-то, а возле нашего дома.

- Возможно, всё так и было, - согласно кивнул я.

- Глеб Евгеньевич, я вот что подумал: не было никакого холодильника, в смысле, не привозили те двое холодильник в сорок первую квартиру.

- А что ж тогда? – прикинулся я.

- Как бы знать, - развел руками «генерал». Но я так думаю, что они хотели квартиру обворовать, но у них что-то не заладилось... Хотя... - Черенков почесал затылок. - Могли и обворовать, а хозяева в санатории, вот когда вернутся, тогда и обнаружат... Или грузчики сказали про сорок первую квартиру для отвода глаз, заранее зная, что хозяев дома нет... Не хочется портить отдых людям. Или позвонить и сообщить, как думаете, Глеб Евгеньевич?

- Думаю, пока не нужно их беспокоить.

Черенков повеселел, но быстро сник.

- И все-таки те парни на «Газели» обчистили чью-то квартиру, - со вздохом высказался страж.

- Если бы обчистили, хозяин заявил бы в полицию. И опять же, в руках у грузчиков ничего не было. Не было, ведь?

- Не было, - четко подтвердил Черенков. – А вдруг они охотились за какой-то ценностью небольшого размера? А хозяин не захотел заявлять в полицию? В его интересах, чтобы всё осталось шито-крыто. Наша доблестная полиция потянет за ниточку и вытащит наружу то, что им знать не следует. Рыльцо-то у пострадавшего в пушку.

- Тимур Яковлевич, пока рано строить догадки.

Черенков будто меня не слышал, продолжал гнуть свою линию:

- А девушку убили и привезли сюда, чтобы хозяин взял на заметку. Предупредить его хотели таким жестоким способом. Как думаете? – Я пожал плечами. - Может, он этим гадам что-то должен, не хотел отдавать, они сами забрали, после чего намекнули, что впредь лучше так не делать.

- Мудрено выражаетесь, Тимур Яковлевич.

После моих слов консьерж нахмурился. В свете последних событий мне нельзя с ним ссориться, поэтому я поспешно добавил:

- Но надо отдать должное вашей сообразительности - ваши догадки ни беспочвенны. Однако, лучше полицейским ничего не знать. Вам же дороже, пойдете за соучастие.

- Это почему?

- Коробку с холодильником, или что там в ней было, вы пропустили без помех, хотя, знали, что жильцы сорок первой квартиры отбыли на лечение. Девицу раньше видели? Не видели? Что за родственница, откуда она взялась, неизвестно. И если бы жильцы на самом деле купили холодильник и оформили доставку на следующий день, когда их и в помине уже не было, то вас бы обязательно предупредили. Так ведь?

- Так, - выдохнул загрузивший Черенков. – Что же делать?

- Помалкивать. Пусть полиция сама во всем разбирается: что за девушка, кто ее убил.

- Моя хата с краю, я ничего не знаю, - заученно пробубнил консьерж.

- Ваша супруга что-то рассказала? Видела она эту девицу раньше?

- Нет, не видела, - замотал головой пожилой мужчина. – Каким-то чудом девица просочилась в наш подъезд.

- Может, у нее был ключ от домофона. Она воспользовалась моментом, когда вы отлучились. Через стеклянные двери легко рассмотреть, есть ли кто на посту.

- Так, по всей видимости, и было...

Мы с Булем пробежались по скверу, и решили вернуться домой. Решил, конечно, я, Буль с большим недовольством потянулся за мной. Но пускаться в уговоры с ним у меня не было желания. Я вспомнил о ключах от квартиры Риммы. Ключи находятся в руках преступника, а замок я не удосужился поменять. Ключи... Пусть я не криминалист, но понял, что отмычку злодеи не применяли. Воспользовались дубликатом. Римма могла потерять ключи, но в этом случае сменила бы замки. Получается, ключи у нее экспроприировали на время, чтобы сделать дубликат. Или взяли на пару минут, сделали слепок и положили на место. Надо с ней обсудить этот момент. Хотя, с ее бдительностью, вряд ли кто-то мог стащить у нее ключи. У меня сложилось такое чувство, что эта женщина постоянно «сидит в окопе с винтовкой и ждет



нападения» - любую минуту готова дать отпор любому, не разобравшись в его желаниях. Впрочем, ей это и не нужно, разбираться в чьих-то желаниях, выбор сделан, ее все устраивает... Если бы не манекен, мы бы так и ходили мимо друг друга, погруженные в собственные мысли и желания. Про чувства забыл. Интересно, Римма испытывает ко мне какое-то чувство? Хотя бы мало-мальский интерес?..

За время нашей короткой прогулки во дворе появилась следственная группа. Зоркий сокол по имени Тимур, заведя меня, опять потрусил навстречу. Вид при этом у него был загадочный.

- Полицейские сказали, что девушку убили в другом месте. Ударили по голове тяжелым предметом. Я и без них догадался, - хвастливо заметил он шепотом. – Они предполагают, что тело куда-то тащили, потом чего-то испугались и бросили возле дома. Смерть наступила приблизительно шесть часов назад. Точнее скажут после скрытия.

Я непроизвольно посмотрел на экран смартфона. Часы показывали семь утра без пяти. Получается, ее убили около часу ночи. Район у нас тихий, никакой сброд по ночам не шатается. И значит, другой сброд смог спокойно привезти труп и положить под окнами Риммы Казуютовой. Очередное напоминание о прошлом и намек на будущее ее действие – надо бы искупить вину, пора, давно пора.

Почему Римма в такую рань вышла на балкон?

Этот вопрос я задал ей с порога.

- Как ты успел заметить, у меня на лоджии стоит велотренажер. Я встала пораньше и решила покрутить педали, чтобы сбросить лишний вес, который появился во время отпуска. Когда устала, взяла тайм-аут, положила локти на перила и принялась смотреть вдаль. Взгляд непроизвольно упал на землю, и я заметила девушку в зеленом платье. Сначала я подумала, что девушка пьяна, но ее нелепая поза говорила о другом - она мертва. Сначала я не поверила своим глазам. Ушла с лоджии, выпила воды, вернулась... Ничего не изменилось – та же девушка в зеленом платье. Та же поза. Я поспешила к тебе... Когда позже сообразила, что на девушке мое зеленое платье, догадалась – это представления снова разыграно для меня. Хотелось верить, что они опять используют манекен, но увя.

- Римма, у тебя такой вид, как будто ты все для себя решила.

- Я знаю, о чем ты подумал, и скажу одно – я не собираюсь кончать жизнь самоубийством. Не дождутся!

- Молодец! Я хотел спросить у тебя насчет ключей. Кстати, я сегодня куплю новый замок и....

- Уже ничего не нужно, я вчера купила, вызвала слесаря, и он всё сделал. Неужели ты думаешь, что я могла спать спокойно, когда у кого-то есть ключи от моей квартиры.

- И опять молодец, и сто раз молодец. Но хотел спросить не об этом. Хотя речь тоже касается ключей от твоего дверного замка. Я подумал, что злоумышленник воспользовался дубликатом, твой замок слишком мудреный, чтобы специалист невысокого класса мог его взломать.

- Как бы в его руках оказались ключи? Для того, чтобы изготовить дубликат нужно время. Я не оставляю свою сумку без присмотра, это раз, никому не даю ключей...

- Незадолго до твоего отпуска к тебе кто-то приходил? – не дал я ей продолжить. Меня начала утомлять ее продуманность во всех вопросах.

Римма Казуютова посмотрела на меня с недоумением. Выдержала многозначительную паузу, во время которой я обязан был пасть ниц и молить о прощении за свои резкие слова, не дождалась от меня никаких действий и расширенных уточнений и спросила:

- Ты имеешь в виду поклонника? - При этом лицо у нее стало насмешливым, как будто я сморозил глупость.

Я неопределенно покачал головой, как болванчик, хотя имел в виду именно влюбленного в нее мужчину, который на самом деле прикидывался влюбленным, преследуя свои преступные цели.

- Проехали, вопрос снимается с повестки дня, - пробубнил я и приступил к рассуждениям, - что мы имеем на данный момент? Мы имеем манекен, двух грузчиков и девицу, меняющую парики в зависимости от обстоятельств. Девица мертва. Кто ее убил? Ее подельники, больше некому. С самого начала ей была уготована роль жертвы. Но она должна была засветиться, чтобы в дальнейшем ее убийство связали с манекеном.

- Могла бы и не светиться – на ней мое платье, и это платье исчезло из гардероба.

- Ключи, - коротко напомнил я, держа в уме любовника - обманщика, уголовника, прекрасного во всех отношениях мужчины, искренне любившего и вмиг разлюбившего и ставшего врагом номер один, - который мог сделать слепок с ключей...

Пока я размышлял на тему любовника, Казуютова сверлила меня рентгеновским взглядом, благодаря которому я очнулся, стушевался и покраснел гуще перезрелой арбузной мякоти.

- Я не привожу в свой дом посторонних мужчин, а не посторонних в моей жизни нет, - четко выговорила пронизательная особа, чтобы ее слова дошли до не шибко сообразительных мужчин.

- Оставим тему любовных отношений, - с легкостью проговорил я, - совсем не то я имел в виду, когда говорил о посторонних... эээ... людях. Для примера, ты могла вызвать сантехника, слесаря, любого мастера. Мужа на час, в конце концов.

- У меня есть папа, у него золотые руки. Я хотела вчера ему позвонить, но передумала, чтобы не отвечать на массу ненужных вопросов и не заставлять его волноваться.

- У твоего отца есть второй комплект ключей от твоей квартиры?

- Естественно, я тебе об этом говорила...

- Разве?

- Папа редко, но приезжает ко мне в гости, - не обратив внимания на мое уточнение, высказалась Римма.

- Я понимаю, ты не хочешь его беспокоить, посвящать в свои проблемы, но, согласишься, у нас нет другого выхода – мы должны к нему поехать и выяснить, могли ли ключи попасть в чужие руки. Мы не будем задавать вопросы в лоб, зайдем с тыла.

- Но я... не знаю, - развела руками Казуютова.

- Положись на меня.

- А ты мастер в делах допросов исподтишка?

- Не мастер, но постараюсь не оплошать и тебя не разочаровать.

Римма расплылась в улыбке, словно только и ждала от меня таких признаний - о нежелании ее разочаровать. Но улыбка быстро слетела с ее губ, она свела красивые брови на переносице и растерянно пролепетала:

- Глеб, как ты себе представляешь вашу встречу с отцом? Как я тебя представлю? Скажу, познакомься, папа, это мой сосед по лестничной клетке Глеб Афанасьев. Возникает резонный вопрос: зачем я притащила с собой соседа? В качестве охраны? Возникнет масса вопросов, правда?

- Чтобы не возникло вопросов, скажи, что я твой жених. Парень я хоть куда, так что твой отец будет только рад выдать за меня свою единственную дочь.

- Да, от скромности ты точно не умрешь.

Аркадий Казуютов жил в поселке Березовый, куда перебрался после того, как ушел на пенсию. Мы отправились в поселок на автомобиле Риммы. Поездка заняла два часа, которые я нагло проспал, хотя, хотел обсудить с Риммой недавние события, поискать в ее теперешнем окружении людей из прошлого, которые в курсе трагедии двадцатилетней давности. Сам не знаю, что на меня нашло: сел в машину, кое-как еще боролся со сном, пока мы ехали по городу, но оказавшись на трассе, я сразу уснул. Надеюсь, обошлось без привычного богатырского храпа.

Проснулся, когда Римма вышла из машины и хлопнула дверцей. Я открыл глаза и соловело поозирался по сторонам, при этом беспрестанно зевая до хруста челюсти. До жути хотелось выпить кофе, крепкого и горячего. Но с кофе придется повременить.

Возле распахнутой калитки стоял пожилой мужчина с седой шевелюрой, зачесанной назад, с небольшим пузцом и искристыми глазами. Он заключил дочь в объятия и что-то ей сказал, не переставая светиться от счастья. Римма что-то ответила отцу, запрокинув голову. Я счел правильным немного отсрочить свое появление, не хотел мешать.

Когда Римма зыркнула в мою сторону, я выбрался из машины и с уверенным видом направился к ним.

Казуютов был так поглощен своей дочерью, что не сразу меня заметил, а заметив, не сразу сообразил, что мы приехали вместе. Видимо, подумал, что я просто прохожий.

- Папа, познакомься, это Глеб Афанасьев. Глеб мой сосед.

- Аркадий Львович Казуютов, - назвался он приятным баритоном. Мы обменялись крепким рукопожатием.

- Я пригласила Глеба, чтобы... - Римма замолчала и вопросительно взглянула на меня – своей версии у нее не было.

- Чтобы нас познакомить, - ляпнул я, не придумав ничего нового.

Казуютов улыбнулся, от наружных кончиков глаз побежали лукавые лучики морщин.

- В одном старом фильме времен войны главная героиня говорит своему хорошему знакомому: «Если я люблю человека, то обязательно познакомлю его с отцом. Я скажу, папа познакомься, это...» Я не помню имени главного героя, но сути дела это не меняет.

- Пап, ты думаешь, что мы с Глебом...

- Папа правильно думает, - перебил я Римму. – Нам давно пора познакомиться.

- Еще скажи, что ты приехал просить у отца моей руки, - с хмурым видом заметила Римма. Ей моя затея не нравилась. Но другой-то не было. Договориться по дороге мы не успели ввиду моего глубокого сна без сновидений.

- Дорогая, сколько можно скрывать от отца наши отношения, - с укоризной обратился к Римме, перевел взгляд на ее отца и широко улыбнулся.

- Молодежь, хватит спорить, пошли в дом.

Дом Аркадия Казуютова был сложен из белого кирпича, небольшой и аккуратный, с открытой верандой. Перед окнами на клумбе росли георгины, чуть в стороне виднелась грядка с помидорами разных оттенков: красных, зеленых, бурых и даже желтых. Росло что-то еще, но я ботанике не силен, а плодов на них видно не было. Из деревьев были в основном яблони. Созревшие плоды тянули ветви вниз, склоняя их до земли. На одном плодовом дереве висело всего три яблока, но размером с мою голову, ничуть

не преувеличиваю. Видимо, яблоки были позднего урожая: их презеленые бока только-только начали краснеть.

Проходя мимо одной из яблонь, Римма сорвала созревший плод и надкусила. Я последовал ее примеру. Яблоко было сочным, крепким и необыкновенно вкусным.

- Не перебивайте аппетит, - предупредил хозяин, - я такую уху сварил, пальчики оближете. На зорьке ходил на рыбалку. Не сказать, что вышел хороший улов, но на уху хватило. Еще, дочка, твоих любимых пирожков нажарил, с зеленым луком и с яйцами.

- Ты предупредила отца о приезде? – шепнул я Римме.

- Мы давно с ним договорились, что после возвращения с отдыха, я приеду к нему на следующий день.

Отец с Риммой накрыли стол на веранде, и мы принялись за уху. Я быстро расправился и попросил добавки. Потом мы ели пирожки и необыкновенно вкусные помидоры с хозяйского огорода. Во время трапезы я рассказывал о себе. Уставшая от моей болтовни «невеста» повернула беседу в нужном направлении, пока я озадаченно поглядывал на оставшиеся на тарелке аппетитные пирожки: влезет в меня еще один или нет?

- Пап, второй комплект ключей от моей квартиры у тебя? - спросила Римма деланно-беспечно.

- Да, у меня. А зачем они тебе? Свои потеряла? – насторожился Казуютов.

- Я замок поменяла, поэтому старые ключи теперь без надобности, я тебе дам очередной запасной комплект.

- А что с замком? Сломался?

- Ага, сломался. – Рядом с отцом Римма была совсем другой, похожей на маленькую девочку, открытую и бесхитростную. Когда она обращалась к отцу, но постоянно отводила глаза. Проницательный отец проговорил:

- Дочка, не лги мне. Я же вижу: что-то случилось.

- Случилось, я замуж собралась, - «призналась» дочка. – Думала, в старых девах останусь, но нашелся мужчина, который принял меня со всеми недостатками. Теперь хлебнет со мной лиха. Кому, как ни тебе, папуля, знать, какой я бываю в гневе.

- Не слушай ее, Глеб, - погрузившись в свои думы, изрек Аркадий Львович, барабанив пальцами по столу. И вновь обратился к дочери, елозившей от волнения на стуле. – Римма, я твой отец, я приложу все силы, чтобы тебе помочь. Ты это знаешь... - Он опять отстучал пальцами дробь по столу, перевел взгляд с дочери на меня, с меня – на дочь. - Глеб парень хороший, это видно, но между вами нет отношений. Может быть, я на это очень надеюсь, отношения рано или поздно появятся. По крайней мере, я читаю в глазах Глеба неподдельный интерес к тебе, дочка. Пора бы тебе подумать о личном счастье...

- Пора-пора, - согласно кивнул я, не дав ему продолжить допрос, при этом сиял как начищенный самовар.

Но мои шуточные интонации не сбили с мысли хозяина дома.

- Глеб, если дочка не хочет говорить правду, то сделай это за нее. Не зря вы приехали вместе, значит, ты в курсе дела.

Мы с Риммой с таким азартом снова взялись за пирожки, что можно было подумать, не ели не меньше недели.

- Когда я ем я глух и нем, - с набитым ртом сообщила Римма и чуть не подавилась. Я принялся ласково постукивать ее по спине. Мои постукивания больше напоминали заигрывание.

Отец взирал на наши игры с недоумением, как на пир во время чумы.

- Хотелось бы знать, причем здесь ключи от квартиры? Почему ты сменила замок?.. Римма, во время отпуска кто-то влез к тебе квартиру? Что-то пропало?

Мы с Риммой переглянулись, и она незаметно мне кивнула, как бы отдав пальму первенства в сложных переговорах, и печально вздохнула, намекнув, что все пошло, увы, не по нашему сценарию.

Я тщательно вытер руки бумажной салфеткой, как будто мог говорить только с чистыми руками, откашлялся и заговорил.

Я поведал Аркадию Львовичу обо всех событиях последних дней без утайки – если уж говорить, то только правду. Рассказывал обстоятельно и следил за лицом главного слушателя. Римма, вообще, ушла в дом, чтобы очередной раз не переосмысливать случившееся. Лицо хозяина стоило того, чтобы за ним

следить. Сначала оно было по-отечески обеспокоенным, потом на лицо легла тень, под конец моего рассказа отец Риммы постарел на несколько лет.

Когда я закончил, тотчас появилась Римма, заняла свое место и с немым вопросом обратилась к отцу. Тот отмолчался. Мы переглянулись. Взгляд Риммы, обращенный на меня, не сулил ничего хорошего. Ладно, пусть я буду виноват во всех смертных грехах.

- Может, вам таблеточку какую-то дать? - заботливо спросил я у Казуютова. Он одарил меня непонимающим взглядом.

За столом опять повисла тревожная тишина. Я не знал, что еще сказать. Римма изучала невидимую соринку на столе, даже умудрилась потереть ее указательным пальцем. Аркадий Львович сверлил взглядом сцепленные пальцы своих рук.

Наконец, он решительно выдохнул и сказал:

- Дочка, я должен был тебе во всем признаться... еще тогда, но у меня духу не хватило. – Его голос потерял былые нотки, стал больше похож на скрип несмазанной телеги.

- В чем признаться, пап? – подобралась Римма и положила свою ладонь на сцепленные пальцы отца.

Казуютов собирался с силами, никак не мог озвучить то, что мучило его долгих двадцать лет.

- Аркадий Львович, это... вы... убили Сергея? – вкрадчивым голосом спросил я. Он склонил голову – то ли не хотел смотреть нам в глаза, то ли соглашался с моими словами, впрочем, это одно и то же.

- Пап, нет! Ты на себя наговариваешь! Быть такого не может! – воскликнула дочь. Но сказано было неуверенно, из чего я заключил одно – Римма давно обо всем догадалась, но настойчиво гнала от себя грустные мысли.

- Аркадий Львович, вы не хотели его убивать, но все вышло случайно, - тщательно выговаривая слова высказался я, желая защитить отца, успокоить дочь, успокоить отца, защитить дочь. Всё сразу, всё вместе.

Казуютов обратился ко мне, наверное, говорить на болезную тему легче с малознакомым человеком:



- Если бы двадцать лет назад мою дочь обвинили в убийстве ее молодого человека, или обвинили невиновного, я бы сразу отправился в милицию и написал чистосердечное признание. Дочь проходила в уголовном деле свидетелем, я выжидал. Глеб, я не мог сесть с тюрьму и бросить ее одну. Незадолго до этого умерла ее мать. Я не тюрьмы боялся, я не хотел, чтобы дочь знала, что ее отец преступник, убийца. Я не ищу причин, я себя не оправдываю. Да, я смалодушничал тогда, я раскаиваюсь в содеянном, но... я должен был сделать выбор, и я его сделал.

- Как это случилось?

- Тогда... двадцать лет назад я слышал разговор Риммы с Сергеем. Он ее унижал, оскорблял, я держался из последних сил, чтобы не выкинуть его из дома. Но был готов вмешаться в любую минуту. Помнишь, Римма, что он тебе сказал? Он сказал, что не позволит тебе встречаться с другими парнями, он жестоко расправится с любым, ты будешь принадлежать ему одному. И никуда от него не убежишь, он тебя везде отыщет. Я понял – этот человек не станет бросать слов на ветер. Я решил с ним поговорить, убедить его оставить дочь в покое. Когда Сергей ушел...

- Я его выгнала, - напомнила Римма.

- Ты его выгнала, он ушел, а ты закрылась в своей комнате. Тогда я набросил куртку и поспешил за Сергеем. Догнал его... Я говорил много, но Сергей меня не слышал. Я даже денег ему предлагал. Когда я выдохся, он сказал, если я буду становиться между вами, то со мной случится то, что случилось с моей женой... Моя жена скончалась от сердечного приступа, - пояснил для меня Аркадий.

- Я не поняла – Сергей виновен в смерти мамы? Но она умерла, когда он служил в армии.

- Я не знаю, зачем Сергей это сказал. Мне показалось, он был ни в себе.

- Я отчетливо помню последний день в жизни мамы. Она вернулась с работы очень взволнованной, бормотала: этого не может быть, он не мог так поступить. Я спросила у нее, о ком идет речь, что произошло. Мама вскинула на меня глаза, долго смотрела, а потом говорит, к тебе, доченька, это не имеет отношения. Но я поняла, что имеет, еще как. Пап, тебе мама ни о чем не рассказывала?

- Когда я пришел с работы, возле нашего дома стояла машина «Скорой помощи». Твоя мать уже была без сознания.

- До больницы маму не довезли. У нее была сердечная патология. Волнение усугубило болезнь, произошла остановка сердца, никакие реанимационные действия не помогли, - пояснила мне Римма неживым голосом. – Но я не могла связать мамино беспокойство с Сергеем. Ну, никак. Я предположила, что на работе произошел конфликт. После расспрашивала ее коллег. Одна женщина рассказала, что в тот день возле проходной маму остановила женщина. Было понятно, что они незнакомы. О чем они говорили, мамина коллега не слышала.

- Получается, разговор с незнакомкой спровоцировал сердечный приступ, - задумчиво протянул я. - Римма, а та женщина с проходной, была молодой?

- Ты намекаешь на то, что именно эту женщину убили спустя месяц после гибели Сергея? - Римма покачала головой, - Глеб, ты ошибаешься, мама разговаривала с немолодой теткой деревенского вида.

- Все равно надо поговорить с коллегой твоей мамы.

- Прошло двадцать лет, вряд ли она что-то вспомнит.

Мы переглянулись, потом дружно посмотрели на Аркадия.

- Нет-нет, - сразу задержал он головой, - я девушку не убивал. Я ее раньше никогда не видел.

- Пап, как мы будем жить дальше? – после паузы спросила дочь.

- Я пойду в полицию и признаюсь в убийстве двадцатилетней давности.

- Вы уже искупили вину, каждый день переживая случившееся, - вздохнул я. – Не думаю, что надо ворошить прошлое.

- Но кто-то это прошлое уже перевернул. Кто-то считает мою дочь виноватой, я обязан сказать правду, чтобы ее оставили в покое.

- Я считаю, что прошлое злодея мало волнует. Это мое мнение. Этот человек из настоящего, но он обладает сведениями из прошлого, мстит Римме, пытается запутать следы. Так что ваше признание, Аркадий Львович, не избавит вашу дочь от проблем.

- С чего ты это взял, Глеб? – спросила Римма испуганно.

- Сам не знаю, - просто признался я. – Возможно, чутье подсказывает. Или... долгие наблюдения за тобой.

- На самом деле моя дочь не такая, ее высокомерие, ее бескомпромиссность – всего лишь ширма, самозащита, - признался отец.

- Я это понял. Но ваша дочь могла сильно обидеть человека, уязвить. Болезненно самолюбивые люди способны на многое. И только Римма, покопавшись в памяти, может дать ключ к разгадке.

- Кстати, о ключах, - буркнула Римма и исчезла в доме. Вскоре она вернулась со связкой ключей. Позвенела, дав понять, что это те самые ключи.

- То, что ключи на месте, еще ничего не значит. Кто-то мог зайти к Аркадию Львовичу в гости и незаметно снять слепок. Аркадий Львович, где вы храните ключи?

- Возле входа на стене висит специальный шкафчик для ключей.

- Конечно, к отцу заходят соседи, но они все люди порядочные. Зачем им снимать слепок с ключей от моей квартиры? Да, пап?

Дочь и отец обменялись многозначительными взглядами. И я утвердился в недавнем предположении: дочь догадывалась, кто убил Сергея, но боялась задать отцу вопрос, даже намекнуть. Отец не находил в себе сил признаться. И вот, спустя двадцать лет, за нее это сделал я – задал прямой вопрос. И отец решился на признание. Обоим стало легче, несмотря на весь ужас содеянного. Получается, горькая правда, пусть запоздалая, лучше, чем долгое молчание. Не скажу, что дочь и отец, освободившись от тяготевшей обоим тайны, успокоились, расправили крылья и полетели в светлое будущее, но с души одного свалился тяжкий груз, из головы другой ушли сомнения, терзавшие и заставлявшие строить версии, оправдывать...

И все же я хотел знать всю правду.

- Аркадий Львович, я понимаю, вам трудно даются воспоминания, но мне хотелось бы услышать, что произошло между вами и Сергеем. Мы остановились на его угрозах в ваш адрес.

- Мы переключились на маму Риммы, - подсказал Казуютов. - Я все хорошо помню, помню каждое сказанное слово, как будто все произошло вчера. До сих пор не могу понять, откуда и когда в руке Сергея появился нож, я

осмысливал его угрозу, не мог сообразить, как он может быть причастен к смерти моей жены, поэтому опомнился, когда Сергей начал размахивать ножом перед моим лицом, что-то кричал, брызгал слюной. Я понял одно-сейчас он расправится со мной, потом пойдет к Римме... Я боялся думать, что он может с ней сотворить. Видимо, по долгу службы ему приходилось убивать... Но то были враги, а моя дочь, это трепетное юное создание... Она... любила этого монстра.

- Уже нет, папа, не любила я его. Я его боялась и знала, что он не оставит меня в покое. Когда его не стало, сначала я его жалела, потом... переживала, потом, как ни грешно это звучит, тихо радовалась своей неожиданной свободе, а потом...

- Ты догадалась, кто мог тебя освободить от монстра, - выпалил я.

- Дочка, ты догадалась?

- Я пыталась гнать от себя эти мысли. Но все сходилось. Я не слышала, как ты ушел, но я слышала, как ты вернулся. Долго возился в ванной. А утром ты был белее мела, порывался мне что-то сказать, но каждый раз сдерживался.

- Куда делось орудие убийства? – спросил я.

- Была ночь, людей на улице не было. Я брел домой, мимо проехал грузовик, недолго думая, я забросил нож в кузов.

- Милицейские так и не нашли орудие убийства. Спустя месяц в том же сквере убивают молодую женщину. Способ убийства тот же – удар ножом в грудь. Нож тоже не нашли. Кто убил женщину и почему? Честно говоря, я предполагал, что эти убийства совершил один и тот же человек. Теперь я уверен, что это не так. Преступление не совершено с целью ограбления – что взять с работницы завода, живущей в общежитии. Получается, убийца знал ее маршрут, заранее подготовился, но действовал, как в случае с Сергеем – скопировал первое убийство.

- У меня вообще нет никаких предположений, кто мог убить эту женщину, - проговорила Римма. – Я даже имени ее не помню.

- Я помню, - сказал ее отец, - женщину звали Юлия Ромашкина.

- Юлия Ромашкина, - повторила дочь.

- Римма, среди твоих знакомых или клиентов есть Ромашкины? – поинтересовался я.
- Нет, - уверенно ответила она, кружа по веранде и позвякивая связкой ключей. Отец следил за ней зорким взором, как будто она была несмышленишкой, способным за опасное баловство.
- Недавно, ко мне заходил знакомый, - неожиданно заговорил Аркадий Львович, - он живет на соседней улице. Не скажу, что мы тесно общаемся, но при встрече перебрасываемся парой ничего не значащих фраз. Когда он ко мне завился, я честно говоря удивился, но особого значения его словам не придал.
- А что он сказал? – поинтересовалась дочь, опускаясь на стул.
- Сказал, что поцапался с женой. Та смотрит по телевизору сериал, а ему хочется смотреть футбол. Предложил выпить пивка и футбол вместе посмотреть. Я не любитель пива, но отказать ему не смог. Да, и футбол люблю постольку-поскольку, по мне лучше хоккея ничего нет.
- Вам его визит показался странным, - протянул я в задумчивости.
- Ну, конечно, странным: никогда не приходил, и вот тебе – картина «Не ждали». А сейчас мне его визит кажется подозрительным: ему явно было что-то нужно, пиво он тянул без фанатизма, так, для вида, и футбол его занимал так же, как и меня. Но я решил, мужик расстроен после скандала с супругой.
- Вы постоянно были вместе? – задала вопрос Римма.
- Я выходил, и он выходил. По нужде.
- Пап, я его знаю?
- Вряд ли, он весной сюда переехал. Квартиру в городе продал, здесь купил домик-завалюшку. Я еще удивился: если у него, как он утверждает, в городе была хорошая трехкомнатная квартира, то почему купил развалюшку? У нас в поселке приемлемые цены на дома, потому что поселок расположен далеко от трассы, а проселочная дорога... одно название: дорогой не назовешь, направление. Местные власти кормят одними обещаниями, хотя бы гравийную дорогу сделали. Впрочем, вы сами по ней ехали, на себе почувствовали каждую колдобину. Еще хорошо, что дождей давно не было.

Надо же, - подумал я, - мы ехали по рытвинам-ухабам, а я дрых и ничего не почувствовал. Тоже мне, принцесса на горошине. Вслух заявил тоном, не терпящим возражений:

- Сейчас мы идем к соседу и вытягиваем из него правду. Я уверен, ему есть что нам рассказать...

Мужчина с остатками волос, старательно зачесанными на правый бок, лежал в гамаке и мечтательно жевал грушу. Рядом с гамаком стоял обшарпанный табурет, на табурете – старенький радиоприемник, из которого раздавалась ритмичная музыка. Мужчина в такт музыке шевелил пальцами босой ноги. Свободная от груши рука покоилась на голой груди, из одежды на мужчине были только полосатые шорты.

Мы остановились возле невысокого щелевого забора, любясь картиной «Из жизни дачников».

- Иван Иванович, - окликнул его Аркадий Казуютов. Мужик едва не свалился с гамака, удержался, потом соскочил подобно горной лани со своего неустойчивого лежбища и на кривеньких ножках, выглядывающих из полосатых шорт, засеменил к нам, успев по дороге выбросить огрызок в ржавое ведро. Во время ходьбы он нервно почесывал свою могучую волосатую грудь и тревожно осматривался, как будто мы были всего лишь небольшой частью родственников, поваливших чередой в этот гостеприимный дом. Оказавшись у забора, мужчина выдавил из себя улыбку радушного хозяина, но ни в дом, ни во двор не пригласил. Глазки мужика отчаянно бегали, как бы подозревая недоброе с нашей стороны. Иван уцепился пальцами за «копья» дощатой калитки и вопросительно уставился на нас. Из-за дома выглянула тетка в косынке с тазиком огурцов в руках, метнула на нас настороженный взгляд и быстро спряталась.

- Доброго дня, - снизошел до приветствия Иван Иванович. Голос у него был хриплым и явно недовольным. Мы поздоровались с ним вразнобой. – Аркадий Львович, я слышал, ты на рыбалку на зорьке ходил. И как улов? – спросил хозяин, опередив Казуютова с его вопросом.

- Погоди ты с уловом, - скривился Аркадий Львович. - Иван Иванович, мы к тебе по делу.

- Какому-такому делу? – окончательно обеспокоился мужчина.
- А вот по какому, - взял я слово. – Мы знаем, что вы сделали слепок с ключей, когда заходили к Аркадию Львовичу якобы попить пива и посмотреть футбол. Отпираться бесполезно: у хозяина в доме установлены видеокамеры. Поставил по случаю, и надо же – пригодились. Нас интересует следующее: кто вас просил об этом?
- Я... не... я... отказывался, но крайняя нужна заставила, - выпучив глаза, проблеял испуганный хозяин. - Внук попал в передрагу, нужны были деньги, чтобы дать взятку.
- Как на вас вышли?
- Начну с начала. Мне позвонили, сообщили, что внук на своем автомобиле сбил человека... Внук отдыхает в Крыму, - заговорщицким тоном сообщил Иван. - Я испугался, но меня сразу успокоили: надо заплатить и все будет хорошо. Назвали сумму. Я хотел бежать по знакомым, чтобы собрать нужную сумму, но не успел ничего предпринять - пришла девушка. Она попросила меня об... услуге. За это обещала хорошо заплатить. Что мне оставалось делать?.. В тот же день я навестил Аркадия и... сделал слепок со всех ключей, которые висели в шкафчике в коридоре. Подстраховался... Потом приехала девушка, я отдал ей слепки с ключей, она мне заплатила. Только я собрался ехать на встречу с человеком, сообщившим мне о внуке, как внук сам мне позвонил.
- С внуком не произошло никакого дорожного происшествия, всё развод чистой воды, - догадался я.
- Развод, - выдохнул мужик. – Но к тому времени девушка уже уехала, при всем желании я не мог... вернуть всё назад. Но я отдам вам все деньги...
- Подавись своими деньгами! – рявкнул Казуютов, сжимая кулаки. Чтобы успокоить, я положил руку ему на плечо. И обратился к Ивану:
- Вы можете описать девушку?
- Описать? Девушка как девушка. Чуть больше двадцати. Блондинка, выше среднего роста, стройная.
- Мне надо позвонить, - предупредил я и отошел в сторону.

Позвонил Черенкову. Я видел, как он фотографировал на мобильный телефон погибшую девушку. Без всяких объяснений, попросил переслать мне фото. Что он и сделал без промедления. Я вернулся и показал фотографию Ивану.

- Это она?

- Она ууумерла? - прогудел Иван Иванович.

- Так она или нет?

- Кажется, она. Точно она. Только здесь у нее волосы другого цвета. – Он покосился на Римму.

- Круг замкнулся, - упадническим голосом сказала она.

- А что со мной теперь будет? – забеспокоился мужик.

- Живи, но на глаза мне лучше не попадайся, - предупредил Аркадий.

- Ты прости меня, я же ради внука, непутевый он у нас уродился. То денег назанимал, а нам пришлось отдавать, квартиру хорошую продали, здесь лачугу купили, разницу ему отдали, чтобы с долгами рассчитался.

- Сколько внуку? – спросила Римма.

- Двадцать четыре.

- Не мальчик уже, пора бы самому свои проблемы решать.

- Пошли отсюда, тошно на него смотреть, - скривился Казуютов.

- Аркадий, прости меня, я не хотел, - кричал нам вслед Иван, но мы его не слушали.

- Нам надо узнать фамилию погибшей девушки, собрать о ней информацию. У нее обязательно найдется близкая подруга, из тех, что и врагов не надо, - заявил я, а отец с дочерью тотчас повеселели: все-таки я нашел выход из непростой ситуации, угодившей в тупик. Радоваться пока рано, но главное – двигаться, не сидеть на месте.

- А как мы узнаем ее фамилию, если полиция сама еще ничего не знает, - подобралась Римма.



- Вот именно ЭТО я выясню – что они знают, чего не знают. Есть у меня один приятель, он в мэрии работает, не сказать, что Фигура, но знакомства имеет везде и на всех уровнях. К нему я и обращусь. Он мне не откажет.

- У меня тоже есть знакомые в полиции, я тоже могу навести справки, - предложила Римма Аркадьевна.

- Тебе лучше не высовываться, не привлекать к себе внимания. Меня с убийством никак связать нельзя, так что и опасаться нечего.

- Что мне прикажете делать? – спросил суровый Казуютов.

- Будете повсюду следовать за дочерью!

- Я так и собирался, но подумал, могу в чем-то еще пригодиться.

- Пока только охранять дочь, а там будет видно.

Уже через час мы, наконец, выбрались с проселочной ухабистой дороги на трассу и повернули в сторону города...

Приятель из мэрии свел меня с «человечком из следственного отдела». Я позвонил ему и кое-что выяснил.

Оказывается, следственная группа успела продвинуться в расследовании убийства девушки. Звали ее Полина Денисовна Зябленко. В этом году она окончила экономический колледж при финансовой академии и поступила, что понятно, в эту самую финансовую академию. Три года назад Полина приехала в наш город, поселилась в общежитии, жила тихо, училась, не ночным клубам не шлялась, в общем, девочка-цветочек. Ее подруга, Елена Грачева, с которой Полина вместе училась и жила в одной комнате в общежитии, ничего интересного полицейским не рассказала. После окончания колледжа пути подруг разошлись: Елена Грачева переехала к парню, за которого собирается вскоре выйти замуж. В последнее время они с Полиной не встречались, о ее новых знакомых, если таковые были, она ничего не знает.

На всякий случай я узнал адрес Грачевой и отправился к ней.

Мне открыла дверь девушка с измученным лицом и темными кругами под глазами. Когда я спросил о Полине, она решила, что я тоже из полиции, я не стал ее разубеждать.

- Я вашим уже все рассказала, мне нечего добавить.
- Вы себя плохо чувствуете? – участливо поинтересовался я, чтобы тон нашей беседы стал более доверительным.
- Проклятый токсикоз замучил, - призналась она и на всякий случай сообщила о своей беременности: вдруг я не знаю или забыл с высоты своего возраста, что такое токсикоз.
- У моего друга жена тоже сильно страдала от токсикоза первые три месяца беременности. Потом ничего, прошло.
- Ой, что же мы стоим на пороге, проходите в квартиру, - опомнилась Лена.  
Я зашел в крохотную прихожую, увидел чистый блестящий пол, снял обувь и двинулся по указанию Лены на кухню.
- Конечно, я выдержу три месяца, выхода у меня нет, - усмехнулась она.
- Жене моего друга посоветовали завтракать, не вставая с постели. Открыла глаза, тебе подали завтрак на подносе, ты поела, и токсикоз отступает как по волшебству.
- Надо попробовать. Моему будущему мужу не сложно подавать мне завтрак в постель, он у меня такой заботливый. Любит меня. – Лена сморщила нос и улыбнулась. Она была очень мила и непосредственна.  
Хозяйка налила мне чаю. Чай был крепкий и вкусный, с мятой. Поставила передо мной вазочку с печеньем, сама старательно отводила от печенья взгляд. Но чаю тоже себе налила, добавила молока и присела на краешек стула.
- Ох, Полинка, как же такое с ней могло случится, - опечалилась Лена, вспомнив о причине моего визита. – Уж такая была незаметная, сидела и зубрила целыми днями. У нее родителей нет, ее бабка воспитывала, а у бабки какие деньги, одна пенсия. Приходилось рассчитывать на себя, ну, и на бабкин урожай с огорода. А в мае бабка померла. Поля хотела продать дом в деревне и купить в городе комнату в коммуналке. Какое-никакое, а свое жилье. Опять же, можно жить в общежитии, а комнату в коммуналке сдавать.
- Полина подрабатывала во время учебы в колледже? - на всякий случай спросил я, хотя, сам об этом догадался.

- Да, работала по ночам санитаркой в больнице. Не каждую ночь, конечно. В месяц получалось восемь дежурств. Больше она не могла, учеба все-таки и дипломную работу надо писать. Работы у санитарки – не приведи господи! Тяжело очень и благодарности ни от пациентов, ни от медперсонала не дождешься. И платили сущие копейки. А ей говорила, найди другую работу, а она как зомбированная в больницу ходила.

- Может, влюбилась в молоденького доктора?

- Я ее тоже на эту тему пыталась, а она молчит и глаза отводит. Я так думаю, что угодила в яблочко – втюрилась она, но не в доктора, а в пациента. Он ее фруктами, да конфетами подкармливал.

- Вы о нем полицейским... нашим сотрудникам об этом говорили?

- Полина скрывала от всех, что работает санитаркой в больнице. Стыдилась. Только я знала, да бабка ее. Бабка ей говорила: ты ж не воруешь, своим горбом деньги зарабатываешь, вот в советское время любой труд был в почете. Полина ей - та то в советское. Она очень изменилась, когда у нее начались шашни с пациентом.

- Так уж и шашни?

- Так заметно же! Полинка стала за собой следить, то косметикой не пользовалась, а тут глазки подведет, губки подкрасит и вперед. И глаза светятся от счастья. На работу как на праздник. Иногда и дежурства нет, а она в больницу бежит...

- Когда с ней случилось преображение?

- Когда? На майские праздники. На пару дней вырвалась к бабке в деревню, а потом сразу в больницу. От бабки приехала обеспокоенная, говорила, что старушка совсем память потеряла, ее, Полинку, не сразу узнала. Полинка хотела ее в город привезти, врачам показать, но бабка наотрез отказалась. Сказала, буду дома помирать. И померла через две недели... И так получается, что третьего мая дело было, именно третьего она вернулась от бабки, ушла на работу обеспокоенной, а вернулась сияющей от счастья. Я пыталась ее разговорить, но она отмалчивалась, ну, я рукой махнула. Если честно, мне не до Полинки было, в своей личной жизни разбиралась. Мы виделись редко, я чаще у своего Мишани оставалась ночевать. Но на похоронах ее бабушки я

была, еще подумала, почему Полин поклонник не приехал, не поддержал ее. Не сдержалась и спросила ее об этом.

- А она не стала отрицать существование кавалера?

- Не стала. То всегда скрытная, а тут потеряла бдительность по причине большого горя и обронила такую фразу: не любит он таких мероприятий, тягостно ему. Не так давно бабушку похоронил, единственного родного человека. И больше ни слова. Получается, я не ошибалась, когда говорила, что Польша влюбилась, что кто-то у нее появился...

Что мы имеем? Девочка-тихоня, воспитанная деревенской бабушкой, приехала в город, поступила в колледж, жила в общежитии, корпела над учебниками, работала ночной санитаркой в больнице, считала себя некрасивой и несчастной из-за отсутствия мужского внимания. И вдруг знакомится с парнем, пациентом больницы. Он оказывает ей знаки внимания, с девушкой происходит метаморфоза: ради него она резко меняется, ради него она готова на любой поступок-проступок.

А этот негодяй использовал влюбленную в него девушку по полной программе, будучи в полной уверенности - не подведет, все исполнит, как он велит. В одном сомневался: если до нее доберутся, она поартачится, поартачится, потом вспомнит то, чему ее учила бабушка – жить по совести, и сдаст его с потрохами. Она его любила, а он ее использовал и убил без сожаления.

Напоследок Полина исполнила свою последнюю роль – роль жертвы с подсказкой для особо сообразительных.

Изувер-убийца оказался хорошим психологом: влюбить в себя тихоню – не проблема, а потом можно ею управлять по своему усмотрению. Наверное, что-то наплел – мол, лучше, чтобы о наших отношениях пока никто не знал, на это есть веская причина. И честная, добрая, доверчивая дурочка стала мягкой глиной в руках «скульптора».

Ничего другого не остается, как идти в больницу и выяснять имя пациента, который проходил лечение в первой декаде мая. Жаль, не спросил, в каком отделении работала санитаркой Полина Зябленко. Номера телефона ее подруги я не знаю, но можно еще раз нанести ей визит.

Снова идти к Елене Грачевой и беспокоить ее мне не хотелось. Поэтому придется искать нужного пациента по всей больнице. Что мне о нем известно? О нем – ничего, даже диагноз. Но я предполагаю, что пациент, в которого Полина влюбилась, и один из «грузчиков», доставивших манекен в коробке, предназначенной для транспортировки холодильников, одно и то же лицо. Со слов Черенкова мне известен его возраст, пусть и приблизительный: до тридцати...

В приемном отделении больницы я обратился к хмурому медбрата, стоящему истуканом среди людского водоворота. Не знаю, с какой целью он подпирает колонну – видимо, чтобы та не упала на кого-то из пациентов или их родственников, но уверен в одном – его мне послали небеса.

Я к нему подкатил, поделился своей «проблемой»: жена изменяет, хочу набить морду ее сопливому любовнику. Но надо прежде найти этого засекреченного агента с алчным интересом. На него, на медбрата, одна надежда, потому как все другие надежды я потерял: даже частный сыщик-профессионал только вытягивает из меня деньги, а информации ноль целых пять сотых. Видимо, парочка умело шифруется.

Медбрат чуть ожил: то ли данная проблема тоже не обошла его стороной, то ли мой прикид и произнесенное слово «деньги» сделали свое коварное дело. Чтобы рассеять последние сомнения, я сообщил, что его работа будет хорошо оплачена. Медбрат сразу заинтересовался, что от него требуется. Я поведал скудную информацию: молодой любовник моей жены был госпитализирован в начале мае, с каким диагнозом угодил в больничку, мне неизвестно. Вот бы раздобыть список пациентов того времени, тогда я бы его вычислил методом исключения. Хмурый медбрат кивнул и поспешно удалился, бросив напоследок «ждите».

Я сидел в большом шумном холле и терпеливо ждал известий. Уверенность, что мне помогут, таяла с каждой минутой. Но через сорок минут хмурый парень в спецодежде вышел из дверей и повертел головой. Я поспешил к нему. Он вручил мне свернутый в трубочку лист бумаги и выжидательно на меня посмотрел. Я совершил обмен информации на денежные знаки. После чего вышел из здания больницы, двинул на парковку, сел в машину и только тогда развернул бумагу.

Оказалось, что листов всего три. Отпечатанный на принтере список содержал в себе сорок три фамилии. Я решил приступить к анализу. Взял в

руки авторучку, сразу вычеркнул женские фамилии, рядом с фамилиями неопределенного рода, поставил знаки вопроса. Потом дело дошло до изучения года рождения. Я решил ограничиться пределами двадцать два – тридцать. И получалось, что мужчин в этих возрастных границах было трое, плюс одна фамилия «неопределенного рода». Тихо порадовался: повезло, что молодые болеют реже возрастных.

Итак, что мы имеем.

1. Дубин М.В.
2. Сыроедов А.А.
3. Шилеев Ю. С.
4. Андриенко Р.Р.

Установленный пациентам диагноз меня мало занимал, меня интересовал адрес проживания, по которому я мог найти каждого из них. Беседовать я не собирался, собирался наблюдать, фотографировать, делать видеосъемку, потому как по фотографиям все же труднее опознать человека, чем по походкам или жестам. Всю свою «добычу» я собирался показать наблюдательному Черенкову, чтобы он опознал в ком-то из них «грузчиков», которые якобы доставили в сорок первую квартиру холодильник. А на самом деле – манекен в одежде, как у погибшего Сергея, бывшего парня Риммы Казуютовой.

Только я собрался звонить «человечку из следственного отдела», как меня потревожила Римма. Голос у нее был подавленный. Она попросила меня приехать, не сказав, где она находится, что говорило о вышей степени беспокойства.

- Ты где находишься? – уточнил я, заводя двигатель.

- Улица Ларина... Глеб, сейчас я рассмотрю номер дома, чтобы тебе легче было ориентироваться... дом номер... двадцать один.

- Стой там и никуда не уезжай!

- При всем желании не уеду, - горько усмехнулась Казуютова.

Вскоре я мчался свой автомобиль по улице Ларина, высматривая машину Риммы.

Странным образом машина оказалась на тротуаре. Благо, тротуар был широким, в качестве живой изгороди вытянулся ряд пирамидальных тополей. В одно из деревьев попытался угодить автомобиль Риммы: два передних колеса успели перескочить бордюр, но далее не двинулись. Я не стал предаваться размышлениям и поспешил к Римме, которая сидела с безучастным видом на месте водителя, сложив локти на руле и приткнув на скрещенных кистях рук подбородок. Едва я к ней приблизился, сразу появилась машина ДПС.

Римма рассказала мне и сотруднику полиции, что с ней произошло.

Ей позвонил давний клиент и попросил приехать к нему домой. Прежде чем отправится по адресу, Казютова заехала в свою нотариальную контору и взяла все необходимые документы. Отъехав от офиса на незначительное расстояние, сообразила, что пробила колесо. Вышла из машины, убедилась, что пострадало правое переднее колесо, собралась звонить в передвижной шиномонтаж, но вдруг неожиданно пришла помощь в лице молодого человека, проезжавшего мимо. Пока молодой человек менял колесо, Римма не стояла над душой, звонила клиенту, чтобы предупредить об опоздании, потом разговаривала по телефону с отцом. Когда работа по замене колеса была выполнена, она поблагодарила парня и предложила ему заплатить, тот отказался. Оба отправились по своим делам. Через некоторое время Казютова сообразила, что с машиной что-то не так - появилась новая проблема, гораздо существенней предыдущей: отказали тормоза. Римма успела выехать на улицу Ларина, которая «славилась» своим спуском. Женщина-водитель попыталась применить ручное торможение, но помогло слабо, только скорость автомобиля немного упала. Тогда она нашла выход из создавшегося сложного положения - резко повернула руль вправо, благо пешеходов на тротуаре не было. Резкий поворот и высокий бордюр сделали свое дело - автомобиль остановился и что самое главное – никто не пострадал: ни Римма, ни дерево, ни автомобиль. Расстояние между тополем и бампером автомобиля составило не более десяти сантиметров. Удача, иначе не скажешь.

Раз ни люди, ни транспортное средство в аварии не пострадали, сотрудник ДПС уехал, напоследок предложив отправить автомобиль на экспертизу, а по его результатам написать или не написать заявление в правоохранительные органы для проведения расследования случившегося. Я вызвал эвакуатор.

Пока мы его ждали, Римма еще раз повторила свою историю по моей просьбе. Теперь я знал, что кроме Черенкова у меня есть еще один человек, который способен опознать преступника по фотографии. Этим человеком была Римма.

Эвакуатор увез автомобиль в автосервис, где будет проведена техническая экспертиза. Мы с Риммой отправились к ее заждавшемуся клиенту. Она не успела покинуть салон, я ей сообщил, что заберу ее по первому требованию, запретив перемещаться по городу без сопровождения. В свою очередь Римма заметила, что визит к клиенту займет минут пятнадцать-двадцать, не более того, поэтому я никуда не уехал, а стал терпеливо ждать, мысленно анализируя дорожное происшествие. Потом опомнился и позвонил своему осведомителю из следственного отдела. Продиктовал четыре фамилии с адресами и попросил выяснить, располагают ли следственные органы какой-либо информацией на данных лиц.

Он перезвонил, когда мы с Риммой подъезжали к нашему дому. Ничего достойного моего внимания он не сообщил, кроме двух моментов: Андриенко Р.Р. – это девушка, Раиса Романовна. Уже легче: у меня осталось три фамилии, и теперь я знал имена и отчества трех оставшихся в списке молодых людей:

1. Дубин Михаил Владимирович.
2. Сыроедов Алексей Андреевич.
3. Шилеев Юрий Сергеевич.

Честно говоря, я сразу сконцентрировался на фамилии Шилеев и вот почему: его отчество – Сергеевич. Сергеем звали погибшего двадцать лет назад парня Риммы. Чтобы не заикливаться на Шилееве, я сказал самому себе, что не все Сергеевичи – дети погибшего парня Риммы.

Неожиданно снова позвонил следователь и предложил мне проверить электронную почту. Что я незамедлительно и осуществил с помощью своего смартфона. К тому времени я успел приткнуть авто на парковке, но ни я, ни Римма не спешили покидать салона автомобиля. Сначала Римма следила за напряженной работой моей мысли. Не знаю, что отражалось на моем лице, а на ее лице отчетливо читалось удовлетворение. После мы вместе изучали фотографии трех молодых людей, присланных мне на почту. Римма тотчас опознала в Юрии Сергеевиче Шилееве того самого парня, который поменял ей пробитое колесо. Не только поменял правое переднее колесо, но и успел



что-то проделать с тормозной системой автомобиля, раз по мере движения из строя вышли тормоза. Это ясно без всяких экспертиз, тем более вокруг Риммы в последнее время происходят странные события.

Мы поспешили к Черенкову, чтобы еще раз убедиться, что Шилеев причастен к тем самым событиям. Черенков оправдал наши ожидания: он сразу опознал в Шилееве одного из грузчиков. Среди оставшихся двух из списка его сообщника не было, что ни удивительно: в больнице проходил лечение один Шилеев.

Когда мы оказались на нашем этаже, Римма сказала:

- Глеб, я не хочу идти домой. Отец начнет допрос с пристрастием, а у меня нет больше сил повторять одно и то же.

- Но ты можешь не говорить правды, скажи, что... Римма, я глупец из глупцов!  
– Я стукнул себя ладонью по лбу. – Приглашаю тебя в гости!

- У меня другое предложение - поедем куда-нибудь, перекусим, отвлечемся.

Мы опять загрузились в кабину лифта, спустились на первый этаж и под удивленным взглядом Черенкова проследовали на улицу.

Мы приехали в небольшой ресторанчик, который я открыл для себя совсем недавно. Мне здесь нравилось: кухня хорошая, посетителей немного, официанты расторопные, место тихое.

Сегодня посетителей в ресторане по обычаю было мало. Мы заняли столик у окна, сделали заказ и завели непринужденную беседу о сторонних вещах. Неспешно пообедали. За кофе с десертом все-таки затронули главную тему. Я затронул - инициатива исходила от меня, потому что поведение Риммы Казютовой показалось мне весьма подозрительным: складывалось впечатление, что она меня не слушает, погружена в свои мысли, что-то порывается сказать, хмурится и отворачивается. Потом вдруг, ни с того, ни с сего, улыбается каким-то своим мыслям. Видимо, радуется, что сдержалась, не сказала.

- Римма, мне кажется или ты, действительно, хочешь мне в чем-то признаться? – спросил я с напускной беспечностью, чтобы моя напористость ее не отпугнула.

Римма отпила кофе из крохотной чашки, в восхищении зажмурилась, хитро взглянула от меня и тихо произнесла:

- Тоже мне, провидец нашелся.

- Не хочешь, не надо, дело твое.

- Глеб, - обратилась она таким тоном, как будто решила на брак со мной. Начало было интригующим, следовало дожидаться продолжения. Я изобразил из себя внимательного слушателя, оставив чашку с недопитым кофе и промокнул губы салфеткой. Вышло чересчур театрально, но мысленно борющаяся со своей нерешительностью Римма – это было заметно по ее бегающему взгляду и покусыванию губ – моей неискренней подобострастности не заметила. – Глеб, - повторила она с некой душевностью, располагающей к пониманию, - я не люблю говорить о сугубо личном, тем более обсуждать с другим мужчиной мои... прошлые отношения, но... обстоятельства вынуждают... кое-что тебе рассказать. В интересах дела, как ты понимаешь.

Я убедительно кивнул. Римма сделала глоток воды из стакана. Мы оба волновались. Я тоже хлебнул воды из стакана и с гулким стуком вернул стакан на место.

– Не скажу, что мне приятно говорить об этом, но...

- Обстоятельства вынуждают, и, вообще, исходишь из интересов дела, - поторопил я ее, разнервничавшись во время затянувшейся паузы.

- Глеб, ты куда-то торопишься? – насупилась женщина.

- Не уводи разговор в сторону – я никуда не спешу.

- Ты сегодня сам не свой, - вставила Римма, пристально изучая меня с видом художника-портретиста. Мне оставалось лишь глубоко вдохнуть и выдохнуть, выказав крайнее возмущение.

- Я покопалась в памяти, - наконец, перешла она в главному.

Вышло не совсем искренне, из чего я заключил: глубоко копать не пришлось, воспоминания лежали на поверхности, и воспоминания эти не очень-то приятные. Пока Римма собиралась с силами, я смотрел на нее и думал: с какой стати я занимаюсь ее делами? Кто она мне?.. Никто, соседка, не более того. Хочу ли я, чтобы между нами... что-то возникло? Как можно

охарактеризовать теперешние отношения? Дружба, которая рано или поздно перерастет... сами знаете во что? Дружбой здесь и не пахнет, а пахнет... эгоизмом: Римма ни разу не спросила, есть ли у меня время, чтобы заниматься ее проблемами? Дергает меня за ниточки – манипулирует. В ее руках я игрушка. А я безропотно повелся, потому что испытываю к ней горячий интерес, причем давно. Любовь? Я не знаю, что такое любовь между мужчиной и женщиной. Я знаю, что такое страсть – это шторм на море, ты сидишь на корабле и тебя качает. Но на смену шторму всегда приходит тишь-гладь, да Божья благодать. Именно эта пора мне нравится больше всего. Но после шторма в девять баллов! Жить одной тишь-гладью невозможно, в этом случае жизнь не имеет смысла.

Я непроизвольно бросил взгляд на наручные часы. Черт побери, у меня сейчас должна проходить важная встреча, а я тут сижу и пытаюсь вытянуть из Казютовой признания, которые якобы важны для нашего расследования. Но пока судить рано – Римма не открыла своей тайны. Ладно, посмотрим, что будет дальше... Ну, говори уже, не молчи!.. Я забросил свой бизнес к чертям собачьим, сижу здесь дурак дураком, корчу из себя гениального сыщика, мечтая о победе над сильной женщиной... Почему я злюсь?.. Долго ждал, еще подожду. С моим бизнесом ничего не случится – у меня есть надежная, незаменимая и безотказная Оксана Лебеда. Однако, я наглец – переложил все проблемы на хрупкие женские плечи... Хотя бы Оксана позвонила, так хочется услышать ее голос-звонок, не режущий уши, а приятный и успокаивающий. Оксанка – свой парень, настоящий друг. Она умница и красавица, несовременная девушка в хорошем смысле этого слова, скромница, трудяга, без всяких корыстных мыслей. Да, красавица.

Я сравнил Оксану и сидящую передо мной Римму. Обе красивы, но разной красотой. У Оксаны – красота теплая и обволакивающая, у Риммы – царственная, отталкивающая... Я это сказал? Ляпнул, не подумав: если бы красота Риммы была отталкивающей, но меня к ней не тянуло магнитом. Тянет и еще как.

Я проверил входящие звонки на смартфоне. Почему Оксана не звонит? Утром я ей позвонил, дал ценные указания, напомнил, проконтролировал сделанное, пространно ответил на вопрос «когда меня ждать?» - ближе к вечеру, но не преминул пригрозить: могу явиться в любую минуту, чтобы подчиненные не расслаблялись без руководителя. Оксана только

рассмеялась в ответ: руководителем я был лояльным, но требовательным: каждый шаг не контролировал, но строго спрашивал за невыполненную работу...

- Так что там с тайнами прошлого? – с долей неприятия спросил я, устав от долгих ожиданий.

- Прости за то, что отнимаю у тебя время, - пробормотала Римма, вставая. – Я сама доберусь до дома, у тебя накопилась масса неотложных дел. Прости.

- Римма, пожалуйста, сядь на место, - твердо попросил я. – Я сам принял решение тебе помогать, и не привык бросать дело на половине пути.

Римма безропотно подчинилась. Какое-то время молчала, затем все-таки начала рассказывать.

- На последнем курсе института я влюбилась в руководителя дипломного проекта. Он был старше меня на десять лет, был головокружительно красив, необыкновенно умен и остроумен, без всякого сарказма. Он замечал мое особое отношение к нему, но не поощрял и не проводил воспитательные беседы. Как я позже выяснила, он недавно сочетался законным браком с женщиной, которая... ему совершенно не подходила. Это не мое мнение, это мнение секретарши с нашей кафедры, которая присутствовала на торжестве. Во-первых, избранница моего объекта обожания была старше его, во-вторых, у нее уже был ребенок, рожденный, опять же со слов секретарши, вне официального брака. Не знаю, зачем я... может быть, хотела его разжалобить - была влюбленной дурой, больше нечего сказать, в общем, я рассказала ему историю с Сергеем. На тот момент рана еще кровоточила.

- Ну, рассказала и рассказала, зачем себя винить. Не думаю, что твой руководитель имеет отношение к сегодняшним событиям... Между вами что-то было? – опомнился я, словно отношения могли потянуть ниточку запоздалой мести.

- На тот момент никаких отношений не было.

Я хотел вставить: звучит интригующее, но прикусил язык. Чем скорее Римма все выложит, тем лучше для нас обоих.

- Некоторое время я его еще любила, потом любовь пошла на спад.

Его божественный образ начал вытираться из памяти, - мысленно заключил я. И все-таки я злюсь?! Взятся за гуж, не говори, что не дюж. Будь терпеливым... Будешь тут терпеливым, если в голове одна мысль... И, увы, бизнеса она не касается.

- Мы встретились с ним спустя годы и... стали любовниками.

Я подобрался, как тигр перед прыжком. Если бы ее любовник сейчас оказался рядом, я бы с удовольствием заехал ему в челюсть. Ах-ах, каков ревнивец! – поерничал я о самом себе.

- Стали любовниками – громко сказано, - сообщила Римма, заметив мое напряжение. – К тому моменту любовь к нему давно ушла, я переспала с ним... просто так, от нечего делать – так думала поначалу, но уже на следующий день поняла, что мною руководила месть за прошлую обиду. Пусть он меня не поощрял, но как назвать его невинные прикосновения, его задушевные беседы. И вообще!

- Что значит – вообще? – вкрадчивым голосом поинтересовался я, терзаемый дурацкой ревностью.

- Он вел себя неподобающе – не держал дистанцию.

- Что было дальше?

- А дальше случилось то, что я сама от себя не ожидала. Я позвонила его жене и сообщила, что у ее мужа есть любовница.

-Мда, женская месть - страшная сила.

- Сразу раскаялась в содеянном, но слово – не воробей...

- Как развивались далее события в его семье?

- Понятия не имею, но он мне больше не звонил. А мне этого и не нужно.

- Как его звали?

- Почему, звали? Надеюсь, он жив, здоров и счастлив. А зовут его Игнат Александрович Бурликов.

- Как-как? – переспросил я.

- Ты с ним знаком? - полувопросительно сказала Римма, догадавшись.

- Ты будешь ооочень удивлена, но Игнат Александрович Бурликов – мой троюродный брат, наши матери двоюродные сестры.

- Не может быть!

- Мир тесен, дорогая.

Римма проглотила «дорогую» без проблем, была слишком занята перевариванием полученной информации.

- И раз Игнашка мой брат, мне кое-что известно из его жизни, хотя, мы с ним никогда не ладили, а сейчас совсем не видимся – моим информатором, как ты понимаешь, является мама.

- И что произошло после моего звонка его жене?

- Наверное, тебе будет неприятно узнать, но Игнат всегда был любвеобильным парнем. От связи с тобой, с молоденькой-студенткой, его остановило... твоё искреннее чувство в купе с твоей скромностью и порядочностью. После женитьбы на Инне, у которой, действительно, на тот момент был ребенок, он остепенился.

- Небось, женился по большой любви?

- Если бы – у Инны был богатый папочка, на её руку и сердце претендовали многие, но выбор пал на бедного преподавателя, пусть и кандидата наук. После смерти отца Инна унаследовала его бизнес и надо признать, дело повела успешно, чего от неё никто не ожидал. Муж к тому времени совсем распоясался. Но на его проказы супруга смотрела сквозь пальцы, возможно, сильно его любила и боялась потерять. Кстати сказать, с сыном Инны у Игната сложились прекрасные отношения, он усыновил мальчика. Игнат с Инной прожили вместе почти пятнадцать лет. Про твой звонок я, честно говоря, слышу впервые. Я считал, что очередная выходка Игната переполнила чашу терпения Инны, а может быть, Инна нашла себе другого, но все вышло так как вышло – Инна выгнала любвеобильного мужа из дома.

- Игнат не пытался вымолить прощения?

- И не пытался. Собрал вещи и ушел свободным и счастливым. Одно время жил вместе с матерью, но быстро нашел себе очередную пассию и женился на ней. На этот раз вполне удачно, у них растёт дочь. Насколько мне

известно, Игнат перестал ходить налево. Или научен горьким опытом и делает это тайно.

- Совместных детей у них с Инной не было?
- Нет. Так что ты особо не переживай, все сложилось даже лучше, чем оба могли предполагать.
- Инна тоже вышла замуж?
- Надолго в холостячках не задержалась. Причем новый муж еще моложе Игната. О перипетиях в новом браке мне ничего не известно.
- Вот ты говоришь, что все сложилось удачно, а как же мальчик, сын Инны? Игнат его вырастил, мальчик был к нему привязан, считал его отцом.
- Римма, я догадываюсь, куда ты клонишь – подельником Шилеева мог быть сын Инны?
- Почему, нет?
- А что? Вполне возможно. Каким-то образом судьба свела двух обиженных - Шилеева Юрия Сергеевича и Бурликова Игоря Игнатовича...
- Игнат носит фамилию приемного отца?
- Конечно, но Игорь знает, что Игнат – не его родной отец, хотя, ты права, он был очень привязан к Игнату. После расставания с Инной первое время Игнат часто встречался с Игорем, потом Инна запретила им видеться, сославшись на то, что встречи травмируют душу подростка. Игнат не стал спорить, но тайно продолжал видеться с Игорем, пусть и не часто.
- Игнат мог догадаться, кто повинен в расставании с Инной. Мог признаться Игорю, чтобы снять с себя вину – дескать, ничего не было, тетка меня оговорила, а твоя мать поверила.
- Это очень похоже на Игната, он всегда снимал с себя вину, находил крайних.
- Мальчик затаил на меня обиду – все-таки ни без моего участия он потерял отца... Судьба свела двух моих недоброжелателей, ты прав, - задумчиво протянула Римма. – Чего только в жизни не происходит... Но чем я могла насолить Шилееву? Чем? Можно у него спросить, но едва ли мы получим честный ответ. От всех наших обвинений он благополучно откажется. Доказательств у нас нет, свидетелей – тоже. Скажет, видит меня в первый раз,

никаких колес он не менял. Все оговор. Номер его автомобиля я не запомнила, да и вряд ли этот автомобиль принадлежит ему.

- Но у нас есть показания Черенкова- «холодильник» в сорок первую квартиру они доставляли? Доставляли.

- Поверь мне, у них заранее все продумано. Был один свидетель – Полина Зябленко, но и та сейчас лежит в холодном морге. Сволочи, девчонку не пожалели.

- Римма, ты понимаешь, что тебе грозит опасность? Надо идти в полицию и писать заявление.

- Не хочу!

- А жить ты хочешь? Меня удивляет твоя беспечность.

- Но ты же меня защитишь?

- Я не могу быть рядом двадцать четыре часа в сутки.

- Не можешь или не хочешь?

- Могу и хочу, - дрогнувшим голосом неопытного юнца обронил я, догадавшись, куда она клонит.

- Чего ж мы здесь сидим? – одарив меня лукавым взглядом, спросила Римма.

- Моего терпения не хватит на дорогу до дома, - предупредил я и сразу нашел выход, - здесь неподалеку есть замечательный отель, тихое райское место...

Когда мы с оказались в номере отеля, то не стали повторять действия сексуально-озабоченных влюбленных: не рвали одежды друг на друге, с горячей страстью не целовались, не катались по полу. Конечно, я чувственно поцеловал Римму, заглянул в ее глаза с поволокой, потерся носом о ее пылающую щечку и сказал:

- Я в душ.

Мне показалось или она на самом деле облегченно выдохнула. Странно... Никто ее силой в койку не тянул, не хочешь – не надо...

Некоторое время я смотрел на свое отражение в зеркале и понимал, что мне ничего не хочется. А хотелось ли?



Что-то меня беспокоило, что-то сильно раздражало. Я никак не мог разобраться в себе и в своих чувствах-предчувствиях. Иногда мне казалось, что Римма меня использует, иногда я считал ее женщиной с комплексами из-за прошлых потрясений. Как говорит один мой приятель: и хочется, и колется, и мамка не велит.

Да, Римма – женщина-загадка. Я вообще не пойму, чего ей на самом деле нужно. Будто бы хочет докопаться до истины – это в ее интересах, в целях ее же безопасности, а будто бы - нет.

Я быстро принял душ, отгоняя от ненужные мысли о женщине, которая ждет моего появления, надеюсь, с большим нетерпением...

Я не разобрался – рад я или опечален тому факту, что моя потенциальная возлюбленная наглым образом слиняла, оставив меня наедине со своими мыслями.

Я распластался на кровати. Смартфон пропиликал – пришло сообщение. Я приподнялся, взял с прикроватной тумбочки телефон и прочитал сообщение от Риммы:

*Прости. Я еще не готова. До завтра.*

Как пишут в романах: с души свалился камень. Но возник вопрос: если ты так долго грезил сексом с ней, то почему испытываешь удовлетворение от ее выходки? Ты должен сильно расстроиться, попинать мебель, обозвать Римму разными словами, допустимыми в лексиконе джентльмена. А ты?

А я снова растянулся на кровати, закрыл глаза и погрузился в сон, сопровождающийся богатырским храпом...

Утром я вернулся домой. Только зашурудил ключом в замочной скважине, как тотчас распахнулась соседская дверь, и в дверном проеме показалась Римма. При всем параде, как будто собиралась идти на работу. Я проверил наличие сумки в ее руках – сумки не было. Да, и обувь не совсем подходящая для выхода – домашние туфли из синей джинсовой ткани. Впрочем, в подобной одежде - белой рубашке и джинсах - нотариусы в конторе не появляются.

На лице Риммы не было ни малейшего раскаяния, ни малейшего сожаления за ее вчерашний поступок. Она мило улыбнулась, пожелала мне доброго утра. Я тоже пожелал и предупредил, что через полчаса буду готов для проведения дальнейших следственных мероприятий. Так и сказал, деловито и строго.

Мы договорились встретиться в указанное время возле моего автомобиля.

Когда я вышел из подъезда, Римма уже стояла во дворе, помахивая сумочкой, ремешок которой висел на одном пальце. Она сменила прежнюю одежду на платье. Легкий ветерок лохматил ее волосы и играл с подолом платья. Цвет платья в точности повторял цвет ее глаз – сырой древесной коры.

Казуютова была необыкновенно хороша! Мне показалось, если я закрою глаза, а потом открою, то она исчезнет, улетит, испарится – вот она была и нет ее. Я так и поступил: закрыл глаза и открыл. Женщина-«виденье» стояла на прежнем месте, придерживая рукой волосы, которые ветер-проказник забрасывал ей в лицо. Мое сердце не забилося в ускоренном темпе, я не погрузился в мечты о ней, не стал рисовать себе картинки сексуального характера. Мысли перенеслись к другой женщине, моей дорогой Оксане. Пусть она не обладает царственной красотой Риммы, но она Женщина из крови и плоти, она мне понятна. Ранее любая понятная женщина теряла для меня интерес – открытая книга. Теперь я вкладываю в это другой смысл – рядом с ней мне спокойно и комфортно. Разве это плохо?

Оксана постоянно рядом, я к ней привык до такой степени, что, да, стал считать ее своим парнем. А она женщина, которую я... Не может быть, чтобы я об этом подумал. Неужели нам с Оксаной необходимо было расстаться на некоторое время, чтобы до меня, наконец, дошло, что она для меня значит.

Я бегал за юбками, радовался победам, добивался, уходил, забывал. Ни одной женщине я не говорил: Я хочу, чтобы ты родила мне ребенка.

Я хочу, чтобы моя Оксана родила мне ребенка.

Почему каждый из нас считает: жизнь такая длинная, я все успею. Но жизнь может оборваться в любое мгновение, как это случилось с парнем Риммы Сергеем, как это случилось с убитой в сквере Юлией Ромашкиной, с несчастной влюбленной Полиной Зябленко. Не надо спешить, но надо успевать - поспешать медленно, определиться с приоритетами, не размениваться на ошибочные глупости, чтобы получить удовлетворение,

настоящее, глобальное для тебя, пусть мещанское. Надо уметь разделять и отделять.

От философских мыслей меня отвлекла Римма.

- Глеб, куда мы направляемся? – спросила она.

- В автосервис.

С задумчивым видом я сел в машину, Казуютова пристроилась рядом.

- Ты уже знаешь о результатах экспертизы? – поинтересовалась она.

- О каких результатах?.. Аааа, о результатах экспертизы твоего автомобиля. Я не знаю, но я предполагаю: во время замены колеса злодей изловчился и надрезал тормозной шланг. И о чем это говорит?

- Ты правильно предполагаешь, - кивнула Римма, не обратив внимания на мой вопрос. – Сейчас мы заберем официальную бумагу и отправимся в полицию, где я напишу заявление, - заявила она, в голосе чувствовалась досада.

- Нет, сейчас мы поедem в другой автосервис. Я не успел тебе сказать: я позвонил своему троюродному братцу, Игнату Бурликову, навел у него справки относительно его приемного сына Игоря. Так вот, Игорь окончил технический университет по специальности «Автодело» и сейчас работает у официального дилера «Шкоды». Начинал с автомеханика, сейчас трудится мастером. Кто бы ты думала у него ходит в друзьях?

- Только не говори, что Шилеев.

- Он, родимый.

- Я обслуживалась у официального дилера «Шкоды», пока машина была на гарантии, потом нашла другое место, подешевле.

- Там-то приятели тебя и заприметили.

- Я бы еще поняла чувства ко мне Игоря, но Шилеев? Он каким боком?

- Пока я могу только предполагать: Шилеев Юрий Сергеевич – внебрачный сын твоего погибшего возлюбленного. Еще до службы в армии, он познакомился с Юлией Ромашкиной, симпатичной и безотказной. В результате их встреч родился Юрий. Мать Юлии приходила к твоей матери, чтобы та уговорила тебя расстаться с Сергеем. Не знаю, что о твоём женихе думала твоя мать, но, видимо, только хорошее, а тут она узнает, что у жениха дочери есть

внебрачный сын. Раз Сергей подло поступил с матерью своего ребенка, то он не достоин тебя. Не знаю, кто убил Юлию Ромашкину, но думаю, что неадекватный человек с бурной фантазией, возникшей у него после убийства Сергея, о котором много писали в местных газетах. В то время журналисты любили писать о кровавых преступлениях, об инопланетных цивилизациях, о паранормальных явлениях, других «достижений» в стране не было. После гибели Юлии мальчика воспитывала бабушка. От нее он узнал о твоём существовании, бабушка все грехи свалила на тебя. Отца Юра знал по фотографиям, может быть, на них он был запечатлен в той самой одежде, в которой и погиб. В общем, твое имя было известно Юрию Шилееву. Не знаю, кто первым обратил на тебя внимание, скорее всего, цеховой мастер Игорь Бурликов. Он поведал историю расставания приемного отца и матери своему другу Шилееву. Шилееву тоже была известна особа по фамилии Казуютова – именно из-за Казуютовой мать и отец не могли быть вместе, а потом оба погибли, оставив его сиротой. И что надумали лихие парни? Парни решили ступить на тропу мести.

- Откуда тебе это известно? – с трудом выговорила фразу Римма.

Я постучал по своей голове указательным пальцем и сказал:

- Соображалка работает. Сначала поговорил с братцем Игнатом, потом сопоставил факты, и всё сложилось само собой.

- Вероятно все так и было... Глеб, ты не туда едешь, надо...

- Туда, мила, туда, я тебе сказал - горю желанием повстречаться с двумя мстителями и поговорить с ними по душам.

Мы только-только успели выехать за город – нужный автосервис находился за его пределами, осталось проехать всего-ничего.

- Глеб, останови машину, мне что-то не по себе, - вяло попросила Римма.

Я припарковался на обочине и предложил женщине воды. Она отказалась. Некоторое время сидела молча, устремив взгляд в лобовое стекло автомобиля, потом сообщила, что ей нужно позвонить отцу.

Покинула автомобиль и принялась названивать. Она стояла ко мне спиной, поэтому я не мог видеть выражения ее лица, но мне показалось, что она чем-то недовольна. После разговора Римма не спешила возвращаться. Принялась прогуливаться по обочине. Ветер опять лохматил ее волосы, заигрывал с

подолом платья. Отдалившись от меня метров на десять, женщина развернулась и двинулась в обратный путь. Она шла как сонная черепаха, а я нервничал, так как спешил закончить дело с расследованием, чтобы вплотную заняться личной жизнью. Но не торопил Римму. Ее лицо было бледным и задумчивым. Я тоже вышел из машины и направился к ней встречным курсом.

- Что-то с отцом?

- С отцом все в порядке.

- Тебе лучше?

- Голова кружится как после качелей. Укачало, наверное.

- Может, к врачу?

- Нет, сейчас все пройдет. На свежем воздухе мне гораздо лучше.

Я протянул ей пластиковую бутылку с водой. Она немного отпила и вернула мне бутылку.

- Глеб, давайся все-таки заедем за экспертизой.

- Ну, если ты так настаиваешь, - передернул я плечами. Но недовольство постарался спрятать подальше.

Я развернул автомобиль, и мы отправились через весь город за экспертизой автомобиля Риммы Казуютовой. Дорога туда-сюда, разговоры с техническим специалистом – на все про все ушло около двух часов. Я тихо злился. У Риммы, напротив, поднялось настроение. Она забыла о недомогании, всю дорогу весело болтала на отвлеченные темы. Ее монолог прерывался моим угрюмым «угу».

Когда мы прибыли на место, то нас огорошили новостью: Юрий Шилеев и Игорь Бурликов здесь больше не работают. Утром дружно написали заявление по собственному, получили расчет и отбыли в неизвестном направлении.

- Разве можно уволиться за пару-тройку часов и сразу получить расчет? – не поверил я. – А как же положенная в таких случаях двухнедельная отработка?

- По усмотрению руководства, - пропищала девица-администратор. – В данном случае руководство пошло им навстречу.

- Видно, очень «ценные» были специалисты, - поерничал я. Девушка оставила мое заявление без комментариев.

Мы вышли из здания. Римма сказала:

- Глеб, что с тобой? Не переживай ты так, пусть теперь их поисками занимаются компетентные органы.

- Зато у тебя вид человека довольного жизнью. Или я бы сказал: вид человека, который достиг желаемого.

- Ты попал в точку – я именно об этом и мечтала: иметь рядом с собой надежного мужчину! – она ткнула мне пальцем в грудь. Я в удивлении вскинул брови. – Прости за этот невинный розыгрыш...

- Розыгрыш? Какой розыгрыш, я не понимаю.

В ответ Римма только звонко хлопнула в ладоши, как будто аплодировала моему непониманию.

И в это мгновение со всех сторон к нам начали приближаться люди. Среди них были отец Риммы - Аркадий Львович Казуютов, мой приятель из мэрии, «генерал» Черенков, троюродный брат Игнат Бурликов и его приемный сын Игорь, сосед Казуютова Иван Иванович, Юрий Шилеев, которого я знал по фотографии, медбрат из больницы, к которому я обращался за помощью, Елена Грачева, подруга Полины Зябленко и, наконец, сама Полина Зябленко, живая и невредимая. Были еще какие люди, сплошь незнакомые.

Толпа взяла нас в кольцо. Народ наперебой что-то обсуждал, все счастливо улыбались. Ко мне приблизился мой приятель, который работал в мэрии и имел обширные связи, и признался:

- Глеб, ты извини, но я должен был уступить натиску твоей невесты, которая заявила, что у тебя депрессия. И выйти из нее ты в одиночку не в состоянии. Это она, Римма, нашла фирму по розыгрышам «Суть движения». У них, брат, все грамотно продумано: там и свои детективы, и свои режиссеры, и актеры, и сценаристы. Сначала они узнают всю твою подноготную, а потом берутся за сценарий. Чтобы все было достоверно, подключают знакомых, друзей и родственников.

- Значит, все было ложью с самого начала, - пощурившись, произнес я.

- Ну, конечно! – хлопнул меня по плечу мой троюродный брат Игнат Бурликов.  
– Как ты? Отпустило? Прошла черная полоса в жизни?

- Не померишь – прошла!

- Невеста у тебя просто красавица! – восхитился приятель.

- Когда будешь жарить шашлык из этой невеста, не забудь пригласить, - с кавказским акцентом сказал я.

- Шутник!

- Стараюсь соответствовать!

Ко мне протиснулся Аркадий Львович Казуютов.

- Глеб, ты не сердись на Римму, - обнимая меня на плечи, по-отечески произнес он. – Я ее отговаривал, а она стоит на своем – хочу разобраться, что он за человек, готов ли ради меня на Поступок. Заодно разберусь в себе. Хочу быть уверена, что это не мимолетное увлечение. Ты ей сразу понравился, и она, как я понимаю, тебе небезразлична. Всё у вас получится, я уверен. Всегда мечтал о таком зяте.

К нам подошла Римма.

- Извините, Глеб Евгеньевич, если что не так, - усмехнулась она и обхватила меня руками за талию.

Мои руки висели вдоль туловища. Римма не замечала моего ступора. Или замечала, что надеялась, что я пребываю в шоковом состоянии, которое скоро пройдет.

- Концовка пошла не по сценарию, поэтому мне пришлось тянуть время, чтобы все участники успели собраться в одном месте. Но ты, Глеб, молодчина!

- Прошел проверку на вшивость, - процедил я сквозь зубы.

- Все-таки обиделся, - с напускной грустью произнесла Казуютова.

Конечно, мое душевное состояние ее мало занимало, она была уверена: я ее обожаю, никуда не денусь. И я ее достоин - не подкачал, повел себя так, как и предполагалось. Как мужик! Блеснул умом и сообразительностью.

Я не стал бурлить отрицательными эмоциями и доказывать, что у меня были некоторые подозрения. Я дико устал. В голове был сумбур. В одном был

уверен: я не хочу быть подопытным кроликом, на котором проводят лабораторные эксперименты – проверку на «достоин - не достоин». Я не кролик. И я не собака, которой дают команду «служить!» И она служит: становится на задние лапы, высунув язык от удовольствия собой и от угоды хозяину.

Римма стояла рядом, что-то с восхищением рассказывала окружающим. Те переводили взгляды с нее на меня, с меня на нее, из чего я заключил – речь идет обо мне. Конечно, я с блеском прошел проверку.

До чего же гадко на душе!

Я отодвинулся от компании. Посмотрел на Казуютову другими глазами. До чего же она цинична! Цинизм высшей пробы на лицо: как можно вплетать в историю свою покойную мать. Я уже не говорю о ныне живущих – об ее отце, ему-то воспоминания дались не просто. Но ради избалованной дочери, ради ее счастья он пошел на жертвы. Римма питается жертвоприношениями, как вампир кровью.

Счастье... Знает ли она, что такое счастье. А любовь? Подходит - не подходит. Редкий экземпляр мужчины – подошел.

У всех появились в руках бокалы с шампанским. Народ стал чокаяться и поздравлять друг с друга с успешным завершением...

Празднуете? Ну-ну... Празднуйте. Если есть что праздновать...

Я сунул свой бокал в руку Риммы. Сел в автомобиль и поехал на работу...

Сначала заехал к родителям, чтобы забрать своего верного пса, который так грустил без меня, что отказывался от еды и от прогулок. Мать сразу заметила, что я чем-то расстроен, но вопросов не задала. Вместе с Булем мы поехали на работу.

Пока добирались по «пробкам» прошло обеденное время. Я знал, что Оксана успела пообедать в кафе и сейчас корпит над бумагами. Буль остался в машине.

Когда я вошел в кабинет, Оксана подняла на меня глаза и с улыбкой сказала:  
- Возвращение блудного сына!



Ее переполняла радость от встречи с блудным сыном, но все же смотрела она настороженно. По всей видимости, всему виной было мое озабоченное лицо и сурово сведенные брови. И события последнего времени, в которые я ее не посвящал, но она была догадливой и ждала перемен в моей личной жизни.

- Что-то случилось? - спросила она, выдержав паузу и не дождавшись с моей стороны не только каких-то слов, но и обычного приветствия: «Здравствуй, самая красивая девушка СССР!» В этом случае Оксана парировала: «Бери выше – всего мира!»

- Случилось, - выдохнул я и сел напротив нее.

- Я могу чем-то помочь? – проблеяла она испуганно.

- Можешь. Мне нужно выбрать кольцо для девушки, полагаюсь на твой вкус.

- Для девушки... кольцо... по случаю... торжественному, - вмиг растеряла Лебеда свою привычную сообразительность. Говорила утвердительно, без всяких полутонов, после каждого сказанного слова наружные концы глаз опускались вниз, как и концы рта. Мне показалось, что она готова разреваться и держится из последних сил. Я тоже держался из последних сил, чтобы не заключить ее в объятии, не расцеловать. Чтобы не с бухты-барухты сделать ей официальное предложение.

- Ну, так как? Поможешь? – беспечно-радостно поинтересовался я.

- П... помогу.

- Тогда пойдем в торговый зал, - предложил я, взял ее за руку и потащил за собой.

Я превратился в памятник – замер посередине большого помещения, периметр которого занимали витрины, скрестив руки на груди, предоставил Оксане полную свободу выбора. Она ходила, останавливалась, присматривалась, покачивала головой, шла дальше, снова останавливалась... Всё повторялось.

Видимо, Оксана дошла до вершины своего горя, поэтому выбрала наугад. Но я оценил кольцо с сапфиром по достоинству. Тем более, камень подходил под глаза Оксаны. Синие глаза настойчиво заволакивало слезами. Чтобы я

ничего не заметил, она надела колечко на пальчик, вытянула руку и сделала вид, что рассматривает.

- По-моему... - начал я, но меня прервал телефонный звонок.

Звонила Римма.

- Глеб, куда ты исчез? Ты обиделся? – прежним голосом без печали спросила она.

- Ну, что ты, я тебе очень благодарен. – Оксана затаила дыхание и ловила каждое мое слово. – Благодаря тебе и участникам игры я смог разобраться в себе.

- И что ты понял?

- Я понял, что в этой жизни для меня важно.

- Что же?

- Любовь... Так что большое тебе спасибо и прощай!

Оксана вскинула на меня свои синие глаза, цвета неба, цвета надежды, цвета ожидания.

- Ксю, - обратился я к ней привычно и одновременно непривычно: в моем голосе ее уменьшительное имя прозвучало иначе. Посчитав, что для торжественного случая обращение не подходит, я сказал, - Оксана Леонидовна, я хочу... я хочу...

- Глеб... Евгеньевич, еще немного и я потеряю сознание, - предупредила она.

- Оксана Леонидовна, я хочу, чтобы вы родили мне ребенка.

- Что?

- Не что, а кого! Ребенка!

- Я... не поняла, - задергала она головой.

- Ох, и непонятливая у меня невеста.

- Кто невеста?

- Ты, Ксю! Или ты мне отказываешь?

- Родить ребенка?

- Замуж за меня пойдешь? А потом ребенка! Можно поменять события местами, если тебе так больше нравится... Ксю, ну, скажи что-нибудь, не молчи!

- ...

- Ксю, я тебя люблю, - признался я.

- С этого и надо было начинать! – улыбнулась Оксана Лебеда сквозь слезы.

Август 2019г.